

ЕВСЕНИЯ МЕДВЕДЕВА

ICE
HOCKEY
CLUB

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

А если догоню?

ИГРА МАЖОРА

18+

Евсения Медведева

А если догоню? Игра мажора

<https://litres.ru/74359834>

SelfPub; 2026

Аннотация

— ТЫ МОЯ! — рычал я, впиваясь пальцами в её мокрые от дождя плечи.

— Я НЕ ДЛЯ ТЕБЯ! — выдохнула она едкое отчаяние.

Максим Савин — хоккейный бог, для которого мир — это пьедестал побед. Он привык брать силой, ломать сопротивление и не выносит отказов. Таня Чумак - его рок, его наказание и единственная, кто способен сказать настоящему бабнику и мажору «нет».

Их встреча — это поединок, где каждое касание разрядом тока вскрывает старые шрамы.

Он разорвал её сердце три года назад, когда не пришёл на первое свидание. Теперь её очередь вернуть должок...

Содержание

От автора	4
Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	22
Глава 3	30
Глава 4	43
Глава 5	55
Глава 6	62
Глава 7	71
Глава 8	78
Глава 9	95
Глава 10	105
Глава 11	118
Глава 12	128
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Евсения Медведева

А если догоню?

Игра мажора

От автора

Все события и герои вымышлены! Персонажи далеки от идеала, но иначе нам было бы скучно! Приготовьтесь к горячим откровенным сценам (18+).

Также напоминаю: употребление табака и алкоголя вредит здоровью, а игры с запрещенными веществами влекут уголовную ответственность. Приятного чтения!

Пролог

— Ты моя! — прохрипел я, сжимая острый подбородок единственной в мире девушки, способной довести меня до полного сумасшествия. — Собирайся, малышка...

— Куда? — Таня побледнела, зажмурилась, лишь бы не смотреть мне за спину, ведь я застыл на узком парапете на высоте шестого этажа.

Чувствовал её едкий страх, поэтому перемахнул через кованое ограждение балкона и попытался подойти, но Таня выставила руку.

— Мне всё равно на родителей, все равно на их слово... Мне ты нужна! — я еле сдержал возмущение, не готовый к такой реакции...

Она моя! Я готов был рычать, крушить стены, ползать по отвесным скалам и стеклянным высоткам, но только не видеть её пустой отрешенный взгляд...

Моя нежная девочка, моя дикая кошка, моя слабость, моя сила...

Вопреки её протесту, я обхватил её лицо обеими ладонями, смахивал упавшие капли дождя, желая лишь утонуть в её глазах, но Таня отворачивалась, все громче всхлипывая, и тут я ощутил удар, похожий на тычок острого ножа прямо в сердце.

Таня снова выставила руку, выстраивая дистанцию меж-

ду нами! Она отталкивала меня, а после тяжело и глубоко вдохнула, будто рядом со мной воздух становился отравленным. Она откинула назад голову, ловя капли, шумно сглатывала образовавшийся ком, подбирала слова, а я только и мог смотреть на её тонкую шею, на изящную линию плеч, на гребаный кулон, который надел лично...

— Немедленно собирайся! Я тебя здесь не оставлю! — заорал я, желая привести её в чувства. Какого хрена тут происходит? Я рванул вперед, пытаюсь пройти с балкона вглубь квартиры, но Таня снова преградила мне путь.

Она стояла под усиливающимся дождём, отводила взгляд, словно боялась посмотреть и передумать. Тонкие нежные руки упирались в дверные откосы, она сжимала черный пластик до белесых костяшек, до скрипа ногтей по стеклу. Таня затряслась, вскинула голову к небу и горько рассмеялась...

Нет, это не смех. Это ложь...

Она задыхалась, скулила, выдавала хрипы, но стоило мне сделать шаг, как дистанция между нами все увеличивалась и увеличивалась.

Я терял её...

— Я не могу, — наконец-то выдала Таня и все же посмотрела на меня.

Дождь превратился в ливень, явно играя со мной... Тонкий желтый сарафан намок, медленно очерчивая её фигуру! Назло прижимал ткань к её телу, чтобы я уже никогда не забыл, как же она красива. Каждый её изгиб, каждая родинка,

крошечное родимое пятнышко за ухом, седая прядка волос, которую видно, лишь когда она перебрасывает копну на правое плечо.

— Я сказал, собирайся! Я тебя тут не оставлю, — заорал я, уже не тревожась о том, что нас могут услышать. Просто поверить не мог, что вижу ее сомнение, меня бесило её виноватое выражение лица, её боль.

Где моя Таня Чумак? Где та, что готова была мне перегрызть глотку, лишь бы не сидеть рядом, лишь бы отказаться от выигранных мной свиданий. Где эта бойкая, смелая и решительная девчонка?

— Я не могу!!!! — и тут по тихому ночному двору пролетел её отчаянный крик.

Уши заложило, перепонки скрипнули, и на миг показалось, что это все сон. Дурной, противный, холодный и очень жестокий сон. Но если я думал, что это самое жестокое, что я мог услышать от любимой девушки, то следующие слова сомкнулись в оковы вокруг уже воткнутого в грудь клинка и трижды обернулись, наматывая лохмотья сердца на режущую сталь...

— У меня есть жених! — с душераздирающим надрывом прокричала Таня.

Раз поворот...

Боль разлилась по телу, а ярость забушевала в венах, заставляя вскипать кровь. Я сделал шаг, и Таня не отступила... Я протянул руку, а она её не оттолкнула. Но в этих сантимет-

рах между нами уже залегло горячее пламя, испепеляющее нас с каждым неаккуратно брошенным словом.

Два поворот...

— Мы уже давно помолвлены, и скоро я выхожу замуж!

Я сжал её подбородок, укладывая большой палец в глубокую ямочку под губой. Вбирал каждую черточку красивого лица, впитывал нежность кожи, отсчитывал пульс на беснующейся на шее венке.

Три поворот...

— Я никогда тебя не забуду, Максим, — зашептала Таня, сжимая мою футболку ногтями до треска ткани. И она вскинула на меня свои большие голубые глаза, моргнула, выпуская водопад слез, и встала на цыпочки, чтобы поцеловать. — Но нам нельзя быть вместе...

И осознание, что весь этот спектакль не более чем прощание, лупануло по всем натянутым канатам нервов, разрывая их в клочья. Мягкие, нежные, пахнущие малиной губы ласково опустились на мои, даря в ответ горький всхлип.

Она моя...

Она была моей!

Но тут Таня распахнула глаза и сделала шаг назад, возвращая холод толщ льда, что выросли между нами крепкой стеной.

Можно убить её жениха, можно выкрасть, увести, спрятать... Можно сбежать на другой конец света! Но ничего не сделать против этой едкой решительности, что полыхала ко-

страми в её взгляде.

— Уходи, Максим, — выдохнула Таня, растеряв остатки сил.

Чего я ждал, поднимаясь по водосточной трубе? Ждал, что моя запертая принцесса будет согласна на всё, лишь бы избавиться от своих чокнутых родичей, решивших, что имеют право вершить её судьбу. Я ждал её поцелуя, ждал, что она бросится мне на шею, и мы умчимся туда, где тихо и нет никого, кто может помешать нам быть счастливыми.

— Пойдём со мной, — я глотал боль, обиду, питался ими, упорно пытаюсь заставить Таню увидеть МЕНЯ! Меня настоящего, того, кто влюблён, как последний идиот, кто не побоятся сжечь все на своем пути, только бы она была рядом. Но нет... Её глаза были холодными, как кристаллы неогранных алмазов. — Какой жених? Какая свадьба? Ты с ума сошла?

Я тряс головой, пытаюсь осознать эти режущие слова. Но у меня ничего не получалось... Чувствовал лишь холод пропасти, что разрасталась между нами.

— Максим, уходи... Уходи! Уходи-и-и-и! — кричала она все громче и громче, и этот крик рвал сердце на части.

Она всё решила... Моя Таня всё решила.

Ещё никогда злость так стремительно не опустошала меня... Душа застыла, покрываясь коркой льда, сердце остановилось, устав качать кровь. Ярость сжирала всё, что привело меня сюда, на этот крошечный балкон. Ярость душила, ис-

сушала, но не убивала... Мучила, нанизывая на острое копье некогда любимых глаз. Но ведь... Я полюбил! Поверил, что это чувство существует! Таня содрала с меня холодную броню безразличия и... ушла?

Ещё никогда я не черпал силу из ярости... Она наполняла меня, замещая образовавшиеся пустоты любви, отравляла её, пытаясь заставить забыть это чувство.

Но...

Я уже как-то расколол лёд её сердца, значит, сделаю это снова!

Сердце снова забилося в новом ритме слов: «Она всё равно будет моей!».

Глава 1

Татьяна

— Привет, малышка, — резкий поток горячего выдоха обжег ухо, и я вскрикнула, отскакивая в сторону.

Каблук провалился, и земля зашаталась под моими ногами... Белоснежный потолок университетского коридора заскользил перед глазами, мышцы окаменели, вскинула руки в попытке найти хоть что-то, за что можно ухватиться, но лишь рассекла воздух. Чёрт! Я и забыла, что стояла у края лестницы.

И тут сильные руки подхватили меня за талию, впечатывая в крепкую мужскую грудь. Вдох... И лёгкие наполнились терпким ароматом горькой вишни, табака и горелой ванили.

Откинула голову, попадая в плен наглых, но охренительно прекрасных голубых глаз. Такие чистые, яркие, как спокойное июньское небо, когда уже отгрохотали самые страшные грозы... Но это обманный факт. За этой голубизной скрывались грехи, дерзость, мажорская напыщенность и способность вывести меня всего с двух слов...

— Отпусти меня, придурок! — прошипела я и попыталась отпрыгнуть, но этот громила стиснул меня ещё крепче, удерживая на месте. — Чёрт, ты откуда тут взялся?

Я обернулась, понимая, что собственная неуклюжесть загнала меня в ловушку... Позади лестница, а узкий проход к

библиотеке перекрыла мощная фигура известного хоккеиста и с некоторых пор занозы в моей заднице — Максима Савина.

— Малы-ы-ы-ы-ышка, — довольно протянул он и мягко рыкнул, как сытый, но очень жадный котяра.

— Скажи, Савин, а вот у вас с Лютаевым настолько куцый словарный запас? Машу Илья называет Мышкой, ты меня Малышкой. Одна фантазия на двоих? Книжки хоть почитайте, — я чудом оттолкнула Савина, и то только потому, что из библиотеки слышались тяжелые шаги.

Мне удалось оттиснуться к перилам, раздумывая, как поступить дальше. Ну не прыгивать же мне от него? Посмотрела вниз, и голова пошла кругом от высоты и паутины полукруглых лестничных пролетов из посеребрившего мрамора.

— Ну, то есть ты согласна быть моей девушкой?

Савин был очень сообразительный... Он не пропускал ни одного случайного слова, хватался за малейший повод развернуть разговор либо к свиданиям, либо к сексу, либо к тому, что задница у меня крепче грецкого ореха. А самое гадкое, что я тут же заливалась румянцем. Мозг шипел от примитивности подкатов, а вот сердце усиливало пульс, выдавая мои секреты.

— Соглашайся, Малышка... Мы станем королями этого скучного универа, — наглец так стремительно нависал над мной, буквально заставляя перегнуться через перила лестницы, что ещё пара секунд, и я улечу головой вниз!

Но даже под страхом смерти я не могла подпустить к себе

того, кто уже однажды разбил моё сердце. Вцепилась в рукав его кожаной куртки, вонзила когти, желая лишь одного — сделать больно, вспороть его толстую шкуру, заставить шипеть и помнить этот миг, когда он решил, что меня можно загнать в угол, как ослабленную долгой зимой соболичу.

— Савин, отвали от меня! Не смотри, не дыши, не подходи! ЗАПРЕЩАЮ! Слышишь? — я напрягла все свои мышцы, чтобы справиться с ужасом, ведь подо мной был просвет пятиэтажного здания, в поясницу упирался деревянный поручень перил, но мне было все равно...

Я по сорок минут качаю пресс, и, кажется, это тот самый случай, когда этот скилл мне пригодился. С легкостью и грацией пантеры я поднялась, удерживая корпус на весу, остановилась всего в нескольких сантиметрах от его лица, и меня обдало жаром его откровенного желания... Он даже не прятался, не маскировался, транслировал свои грязные мысли, не пытаясь обмануть.

— Неужели это так трудно запомнить? Я НЕ ДЛЯ ТЕБЯ!

— Не для меня? — Савин с пугающей быстротой развернул всю ситуацию в свою сторону, под мою задницу мгновенно легла его ладонь, наконец-то прервав болезненное давление на поясницу, а после он прижал к себе, как пушинку. — А кто должен это решать? Кажется, я сам определяю, кто для меня, а кто нет?

— Тогда я определила – ТЫ НЕ ДЛЯ МЕНЯ! Всё? Вот тебе моё несокрушимое решение.

— Ну, это тоже спорный момент, — усмехнулся Максим и сверкнул вдруг потемневшим взглядом. Он так нагло шарил по мне, рассматривал лицо, спускался к шее, к неглубокому вырезу моего лонгслива, и я готова была поклясться — он шипел от досады, что декольте недостаточно откровенно! — А я ещё ничего не сделал, чтобы доказать, что лучше меня никого нет на этом свете...

— Любовь Осипова, Марина Демская, Лаура Драпова, Ирина Конева... — я начала перечислять фамилии девочек, чьи слезы по этому наглому подонку видела лично!

На что рассчитывала? Да хоть бы на совесть... Ведь он должен понять, что я знаю всё о его похождениях и о ярких, но уж очень коротких любовных романах. И я чуть не осеклась, вовремя прикусив язык, когда уже на кончике шипело моё собственное имя, которое он напрочь забыл.

— Слушай внимательно, СА-ВИН, — я нарочно разбила его ужасную фамилию на слоги, придав им функцию пустых и холодных букв, лишив смысла, по которому убивались все девчонки этого города. — Отпусти меня... Я отойду на пять метров, а потом исчезну.

— А если я догоню? — вдруг рассмеялся Максим.

Мимо нас проходили студенты, они не решались намекнуть Савину, что стоя в узком проходе, мы как бы немного мешаем всем. Порой мне казалось, что этому тупому идолу в универе вообще никто не смеет возразить. Преподаватели его обожали, в деканате чуть ли не молились, девки слёзы ли-

ли, парни дружили... Это я про толпы фанатов молчу. Чёрт подери, да кто он такой? Что за сила у него такая идиотская?

— А если ты догонишь, то я снова сбегу! — я чуть не застонала, когда из библиотеки наконец-то вышли Маша Новик и Илья Лютаев.

— Савин, чёрт подери, да отпусти ты её! — Лютаев в одну секунду разобрался с этим варваром, что телепал меня, как куклу. — На пять минут оставил, а ты уже в зубах добычу держишь!

— Максим, — укоризненно покачала головой моя подруга Маша и быстренько оправила мой жакет, пытаюсь разгладить заломы ткани от его цепких объятий.

— Ты же помнишь? — Савин вдруг снова нагнулся ко мне, да так стремительно, что наши общие друзья не успели вовремя его остановить, и теперь его губы едва не касались моих. — Два свидания, малышка... Ты проспорила два свидания! Клянусь, что ты их никогда не забудешь!

— Ну всё, мы и так опаздываем! — хлопнул в ладоши Лютаев и сгреб своего друга, подталкивая вниз по лестнице. — Игра через два часа, там уже тренер свирепствует, а нас нет! Маша, давай скорее?

Илья требовательно поднял руку, ожидая, что его Мышка, как всегда, войдёт под его надёжное крыло, но Маша затормозила, не отпуская моей руки. В её глаза было столько же вопросов, сколько желания поддержать. Только она видела меня насквозь... Только она заметила, как горит моя кожа на

шее, образуя отпечатки его прикосновений... Они саднили, пекли, не давая забыться. Я сжала полы жакета, прикрываясь, и отвернулась.

— Илюш, а мы с Таней доедем сами, — кивнула Маша, ожидая моей реакции, а я лишь благодарно моргнула.

— Ну уж нет... — начал было Лютаев, но Маша быстро пресекла бунт. Она прильнула к своему парню, пользуясь тем, что мы до сих пор стояли на верхних ступенях, а ребята уже успели спуститься, обняла его, поцеловала и так нежно-нежно улыбнулась.

— Я доеду с Таней. Сейчас у вас разбор, тренировка, раскатка... Ну что нам на арене торчать два часа? А я прибегу чуть пораньше и возьму парочку интервью у твоих сокомандников. Ты не мог бы поговорить с Керезем и Королёвым, потому что они меня игнорируют? Там в фанатском блоге просто бунт, все требуют подробностей этого эпичного перехода в «Дьяволы»!

— Хорошо, — Лютаев сдался, потому что выхода у него не было.

Вообще я не очень верю в любовь. Я её и не видела никогда. Мои родители? Да, они были примером, но ровно до того возраста, когда я научилась отделять учтивую вежливость от бушующей страсти. Их связывало уважение друг к другу, возможно, мирная, тихая любовь, но не более. Они никогда не ссорились, наши отношения всегда строились на разговорах, тихих, безэмоциональных дискуссиях. Любую проблему

мы проговаривали, сидя за длинным дубовым столом.

Но то, что творилось между Машей и Ильёй — было очень похоже на любовь из жаркого романа с возрастным цензом. Он опутал её защитой, а она утопила его в нежности. Столкновение роз и шипов... Наверное, это и есть совпадение пазла?

Вот и сейчас Маша одержала сокрушительную победу над грозным нападающим хоккейной команды «Дьяволы». Илья поцеловал её в кончик носа, махнул мне на прощание и продолжил подталкивать Савина в спину, выпроваживая вниз по лестнице, а тот не унимался и забрасывал меня воздушными поцелуями.

— Керезь и Королёв, — крикнул Илья. — Я всё понял, Мышка... Встречаемся после раскатки, у них будет минут десять!

— Спасибо, — пропищала Маша, свешиваясь через перила, чтобы взглядом проводить своего парня.

Боже... В её глазах полыхали залпы салютов, летали крылатые единороги и растекалась радуга. Вот это влюблённость... Вот это я понимаю!

— Так, у нас есть два часа. Бежим скорее, — рассмеялась она и потянула меня следом, но на четвертом этаже мы свернули в гудящий от голосов студентов коридор, чтобы, не дай бог, снова не пересечься с Ильёй и Максом. — Сейчас мы пообедаем, потому что от хот-догов из буфета ледового у меня скоро желудок в узел свернётся.

Маша уже месяц работала в маркетинговом отделе хоккейного клуба. Она заведовала сайтом, наполняла его фотографиями, интервью, порой нарочно вкидывала пикантные новости, чтобы фан-клуб гудел от возмущения или обожания к игрокам. А ещё она придумала разыгрывать специальные места на трибунах, прямо за скамейкой запасных, чтобы поклонники могли соприкоснуться со своими кумирами. И я очень гордилась своей подругой.

Мы быстро оделись, выскочили из универа и забежали в любимую кофейню, где, как всегда, пахло ванилью, корицей и горечью кофе.

— Ты же понимаешь, что не сможешь откреститься от этих свиданий? — рассмеялась Маша, когда мы устроились за дальним столиком. Она достала свой ноутбук и начала быстро что-то печатать, готовясь к интервью. — Савин тебе проходу не даст.

— Так он вроде как уже, — я выгнула бровь, вспоминая и толпу курьеров с ежедневными букетами, и его дежурство возле универа, когда наши занятия заканчивались в одно время. — Чёрт, я уже сто раз пожалела, что перевелась из нашего гуманитарного прямо в лапы этого озабоченного монстра. Радует одно — он в этом году оканчивает универ, и следующие два курса я могу ходить и не оглядываться. Хотя... Вот увидишь, скоро он переключит своё внимание на новую цель и забудет обо мне. Опять...

Маша вскинула взгляд, от её внимания не укрылось это

вырвавшееся «опять». Подруга поджала губы, раздумывая, когда уже устроить допрос. А мне этого очень не хотелось... Во всяком случае, не сейчас.

— Ты не думаешь, что чем сильнее ты сопротивляешься, тем отчаяннее он тебя хочет? — подруга отстучала текст, оценивающе пробежалась по нему, а после захлопнула крышку ноутбука и убрала в свою сумку. — Танюш, он просто помешался... Говорит только о тебе! Если у меня звонит телефон, то Савин уже мчится, чтобы убедиться, что это не ты!

— Тогда посоветуй ему посетить доктора! — цыкнула я и отвернулась, но лишь для того, чтобы Маша не заметила мою довольную улыбку.

— Этим занимается Илья, — расхохоталась Маша и вдруг накрыла мою подрагивающую руку своей теплой ладошкой. — Он ему вчера шуточное направление в дурдом притащил. Когда мы навещали моего брата, Илья даже умудрился шлёпнуть печать на это самопальное направление, воспользовавшись штампом тёти Сони, представляешь? Они чуть не подрались. Боже, это так забавно...

— Забавно? — шикнула я. — Что именно? То, что ты хоть и живешь в элитном посёлке, но все равно будто в общежитии? У вас тусуются то его сокомандники, то родственники... Вы как с Лютаевым уединяться-то умудряетесь?

— Танюш, это семья, — тихо ответила Маша и сжала мои пальцы, требуя, чтобы я повернулась к ней. — У меня её ни-

когда не было, во всяком случае такой. К тому же у нас есть чёткие правила. Утром больше никто не тревожит, а вечером либо мы отправляемся в гости, либо к нам кто-нибудь приходит, а по выходным берем детей и едем на прогулку, давая родителям хоть немного побыть вдвоём. Это так здорово — слышать смех, разговоры. Мне нравится готовить, угощать друзей, родных... Нравится рассказывать про универ, про команду, про долбанутых фанаток, присылающих фотки голых титек прямо в общий чат!

Мы с Машей хором рассмеялись, и напряжение начало уходить. Я смогла вдохнуть, утопая в счастье, что у меня появилась такая подруга. Она простая, не повёрнутая на брендах и вечных разговорах о мальчиках.

— Лютаев — моя семья... Он мой путеводитель, ориентир и компас, Тань. И даже если тебе это не очень нравится, то менять я это не буду, — в голосе Маши появилась твёрдость, что царапнула по мне острым лезвием взгляда, и ощущение стыда накрыло меня с головой.

— Да в том-то и дело, что мне это нравится, — выдохнула я и оторвала от круассана хрустящий кончик. — Ты счастливая, Маша... Это невозможно скрыть, и я безумно за тебя рада! Ты нашла своего капитана. Это любовь, и спорить с этим нет никакого смысла. Он же смотрит на тебя, как на хрупкий хрустальный кубок, ради которого он разбился в лепешку, а теперь смыслом всей жизни стала твоя безопасность. Меня просто бесит, что твой Лютаев забрал тебя у меня! Нам так

хорошо жилось в одной квартире... — я тоже сжала пальцы подруги и легонько прошлась по новому золотому колечку, камушек которого всегда был развернут к ладони, чтобы не привлекать внимания. — А ещё меня бесит его дружок!

— Тогда откройся, — Маша перегнулась через стол и зашептала. — Ты даже мне не рассказала правды... Тебе станет легче, а вместе мы придумаем, как быть дальше.

— Да что тут рассказывать?

Я закрыла глаза и перенеслась на три года назад... Когда я, юная и счастливая первокурсница, с треском втюрилась в полузащитника хоккейной команды Максима Савина...

Глава 2

Савин

Трибуны гудели, на табло пошёл обратный отсчет времени, и мы с униженным для соперника преимуществом выигрывали этот матч, но тут Лютаев подал знак, пока мы ожидали сигнала арбитра. Илья чуть свистнул, привлекая внимание Добрынина, и тоже махнул тремя пальцами, намекая, что ещё успеет провернуть новую фишку, придуманную на прошлой тренировке.

Я кивнул, согласился и Добрынин, а когда Лютаев выиграл вбрасывание, шайба с оглушающим щелчком отскочила ко мне, адреналин взорвался пугающим импульсом сердца.

Защитники противников машинально ринулись на Лютаева, зная, что последний аккорд будет забивать он, но нет... Добрынин встал передо мной, мощью фигуры прикрывая мой поворотный под удобную руку манёвр. Они не сразу поняли, что сегодня последний гвоздь в их крышку будет забивать огромный и агрессивный тафгай... То есть я!

Я пронесся по льду, рассыпая мелкую пыль льдинок. Вратарь побледнел, пугаясь моей мощи и решимости добавить в его охапку ещё один комплекс, после щелчок... И обманным броском я отправил шайбу в ворота, та просвистела около его ловушки и с треском врезалась в сеть.

— Да, черт тебя подери! Да!

Трибуны заорали, а я выдохнул, выпуская хлещущий адреналин... И через миг меня придавило ко льду! Лютаев упал на меня, сверху бросился и Добрынин.

— Чертяка! Получилось! — голосил Лютаев и лупил меня клюшкой по щиткам. — А я говорил, что получится!

Мы дружно бросили взгляд на бледного Мулина, что запретил нам отходить от тактики игры, а за его спиной тихо смеялся и помахивал средним пальцем наш второй тренер — Артём Князев.

Но это было не единственное, что я видел... Сквозь мутный запотевший пластик шлема заметил и ликующую Таню... Она скакала на сиденье и вопила во все горло, а после бросилась обнимать красную Мышку. Девчонки были в фирменных бомберах нашей команды, их радость, восторг передавались сильными импульсами, и это пьянило куда больше, чем гол... Нет, дело было не в Мышке. К её пisku я уже успел привыкнуть, меня волновала Малышка... Танечка Чумак. Строптивая когтистая кошка, в чьих глазах хотелось тонуть снова и снова.

Илюха вскочил и в победном танце рванул к команде, а после подкатил к трибуне, где за стеклом размахивала руками его девушка. Этот трюк проделал и я. Но когда подкатил к другу, сердце чуть в пятки не ушло...

Танечка сидела на пластиковом стульчике полупустой скамейки и читала книжку, лениво перелистывая странички. Выдавали её лишь румянец, пульсация венки на виске,

тяжелое дыхание и... перевернутая книга, которую она пыталась читать верх тормашками.

Заноза... Боже, что это за заноза такая? Впилась в меня, отравила, мысли подчинила и внесла пугающую смуту! Если любое знакомство с представительницами прекрасного пола были мне понятны и даже предсказуемы, то эта тигрица убивала меня при каждой встрече! Она выпускала коготки ещё до того, как я открывал рот... Вот и сейчас я услышал тихое предостерегающее шипение.

Ещё никогда... Ещё никогда я так сильно не хотел этот манящий приз с зубками и багажом острых словечек.

И чем сильнее она брыкалась, чем яростнее отталкивала, тем неистовее я её хотел.

— Чё пишут? — перегнулся я через борт, игнорируя летящие в меня открытки и мягкие игрушки от чокнутых фанатов, испытывающих то, чего я ждал от Чумак.

— Ой, — Таня вскинула глаза и первым делом посмотрела на табло.

Боже, театральные подмости сейчас зарыдали, жалея, что этот талант не принадлежит им. Её взгляд был наигранно скучающим, а ещё она зевнула, прикрыв ладошкой ротик.

— Закончили уже? Проиграли?

— Таня, — укоризненно протянула Маша, а после аккуратно обняла меня. — Максим, это было шикарно... Поставлю твой гол на заставку вечернего выпуска, мне удалось поймать шикарный кадр.

— А Лютаев тебя не накажет за это? — я выгнул бровь, осматривая Мышку, что слишком стремительно вошла в нашу компанию, забрав у меня моего лучшего друга.

— Если накажет, то очень приятно, — рыкнул Илья и ударил меня в спину, указывая на команду, которая сейчас в нас нуждалась. — Так, дамы, Савин приглашает нас в ресторан. Никуда не уходите!

Тренер тоже выкатился на лёд, принимая заслуженные восторги толпы. А парни начали его раскачивать, подкидывая в воздух. А когда я обернулся, то скамейка трибуны была пуста, а Мышка уже протиснулась в закуток команды и начала слепить вспышкой фотокамеры, чтобы запечатлеть эпичный итог принципиального сражения. Вот только её когтистой подружки уже и след простыл...

Маша смеялась, заставляя оборачиваться парней, и фиксировала их счастливые лица. Но я всё равно скользил по толпе, пытаюсь найти занозу.

— Где она? — шепнул я Маше, но она смутилась и опустила глаза.

— Максим, она ушла, — выдохнула Мышка и опустила фотоаппарат.

— Чёрт, — протянул я, пытаюсь смириться с ощущением досады, но все равно упорно елозил глазами по толпе, пытаюсь найти её.

— А вообще, ты сам виноват! — вдруг вспыхнула Маша, и от её смущения не осталось и следа, она вспыхнула румян-

цем ярости, карамельные глаза стали темными.

— Да? И в чем же моя вина? — не понял я.

Команда уже ушла со скамейки запасных в сторону раздевалок, трибуны начали пустеть, а Илья вытолкнул нас в подтрибунное пространство, подальше от самых активных фанатов, до сих пор тянущих ко мне свои руки.

Лютаев хмыкнул, словно ему все было понятно, будто он знал то, о чем даже я не догадывался.

— Ты её забыл! — ткнула Мышка свой тоненький пальчик мне в грудь.

— Кого забыл? — ошарашенно выпалил я.

— Таню! Как ты мог её забыть? — яростно зашептала Мышка. — Ты три года назад пригласил её на свидание, а сам не пришёл! Она ждала тебя целый час, но ты даже не удосужился позвонить! Чёрт, и зачем я тебе это рассказала?

— Чего-о-о-о? — протянул я, и если бы это была не Мышка, а Лютаев, я бы уже двинул ему по шее. Илья понял моё состояние и встал между нами, поигрывая клюшкой.

— Савин, ты на меня не смотри, — Илюха помог стянуть мне краги и отбросил их в огромную корзину, после чего инвентарь отправится на сушку. — Я знаю столько же, сколько и ты. Но вспомнить Чумак за тебя не смогу...

— Какое ещё свидание? — я принял из рук персонала сухое полотенце и начал растирать мокрые от пота волосы.

— Это ты у меня спрашиваешь? — не унималась Маша, прыгая за спиной Ильи, как озлобившаяся собачка. — Вспо-

минай сам! Я и это два месяца из Танюши вытягивала.

— Мышка, ты ничего не перепутала? Я вообще такого не помню!

— Максим, — уже спокойно произнесла Маша и взяла Илью за руку. — Пока ты не вспомнишь, я тебе ничем не смогу помочь. Если это какое-то недоразумение, то ладно, но если ты сделал это намеренно, чтобы посмеяться над ней, то я даже помогать не стану!

— Мышка, угомонись, — примирительно шепнул Илья и поцеловал свою девушку в макушку. Для этого ему пришлось присесть, потому что на коньках он чуть ли ни вдвое был её выше. — Ты защищаешь подругу, но это не значит, что я не вступлюсь за своего друга. Сбавь ярость...

Маша охнула и подняла на него глаза.

— Да-да, — закивал он. — Савин, конечно, клоун... Но чтобы унижать слабых или кидать девушек – за ним это не было замечено.

— Да? Получается, Таня врёт? — вспыхнула Маша и рванула прочь.

— Прости, друг, — произнёс я, опуская взгляд. — Но кто-то из нас определенно врёт...

Таня Чумак... Таня Чумак... Теперь, когда Маша вывалила эту информацию на меня, в голове зашуршали обрывки воспоминаний. В них было много девушек... Возможно, больше, чем было нужно. Но Тани там не было! Да я бы запомнил эти васильковые глаза, малиновые губы и бесконеч-

ную тучу колкостей, раздирающих мою шкуру.

— Макс, ты, правда, её не помнишь? — прищурился Лютаев.

— Илья, я, и правда, иногда клоунадничаю, но поверь, если бы я отбрил Чумак, то в жизни бы не стал снова к ней яйца подкатывать! Это жестоко, что ли, — рыкнул я, оттолкнул друга и отправился в раздевалку.

Я всё думал, напрягал извилины... Но мозг просто отказывался сотрудничать со мной и выдавал совершенно ненужные воспоминания.

Не слушал речь тренера, игнорировал ликование парней, просто ушел в душ, переоделся и ещё долго сидел в раздевалке, пока она не опустела.

Лютаев напоследок хлопнул меня по плечу и оставил один на один с самим собой. И лишь когда в раздевалку вошёл персонал, чтобы собрать нашу мокрую форму и прибрать результат ликующего разгрома, я вышел... Шел по длинному коридору, лупил по стенам, пытаясь через боль отмотать время вспять. Но все время натыкался на бронебойную стену...

Но внезапно слуха коснулся знакомый скрип. Через распахнутые ворота на арену я услышал, как лезвия коньков рассекают лёд. Ведомый каким-то инстинктом, двинул по широкому проходу и застыл, когда показалась ещё помнящая ликование толпы арена.

Прожекторы были выключены, и лишь тусклый свет фонаря падал на исцарапанный лёд, по которому скользила ми-

ниатюрная фигурка. Тесные черные лосины уходили в обод белоснежных фигурных коньков, ножки длинные, на талии легкая юбочка, развевающаяся от потоков разрезаемого воздуха.

И тут меня свернуло в тугой узел... По льду с мягкостью и грацией дикой кошки каталась Таня... Таня Чумак!

И вот тут мне стало хреново...

Глава 3

Таня

— Маша, ну зачем тебе тут я? — я откровенно канючила и трепала нервы подруге, хотя это вообще было не в моём характере.

Но она так понимающе кивала, что не осталось сомнений в ее осознании мотивации моего поведения. Я просто дико не хотела встречаться с Савиным...

— Потому что ты моя подруга, — строго ответила Маша и приобняла меня за плечи, а после легко втокнула в огромные и устрашающие двери бойцовского клуба. — И мне неловко бояться одной. Будем трястись вместе, так веселее.

Я в последний раз обернулась, осматривая бесконечность зелёного газона, где-то на горизонте ограниченную кромкой осеннего леса и полупрозрачным прудом с витиеватым пирсом. Вообще, тут было нереально красиво, во всяком случае, снаружи...

Я слышала, что у нас есть бойцовский клуб, но к подобного рода местам никогда и близко не подходила. В моём воображении это должно было быть мрачное здание в глухом переулке, вокруг которого полыхают разбитые машины и слоняются пьяные толпы. Но мой стереотип треснул, когда я ещё издали заметила большую белоснежную постройку

в современном стиле.

Мы с Машей одновременно стиснули друг друга в объятиях и вошли в фойе, проходя мимо огромного охранника, а тот даже бровью не повёл, стоял как каменная статуя титана. Но мы слишком рано расслабились, потому что он уловил страх и неожиданно дернулся в нашу сторону...

— А-а-а-а-а! — завизжали мы с Машей и бросились вглубь, подгоняемые гулким мужским смехом.

— Ну, Гоша-а, — укоризненно протянула рыжеволосая женщина, появившаяся из темноты.

Она хрустела яблоком, а после резко обернулась и запустила в до сих пор хохочущего охранника огрызком, но тот его поймал, как сонную осеннюю муху... Просто выкинул в воздух руку, и на пол закапал яблочных сок, выдавливаемый его мощнейшей ладонью.

Моё сердце лупило по рёбрам, дыхание то останавливалось, то вновь запускалось галопом. Я была в таком стрессе, что не сразу узнала в этой красотке маму Максима Савина. А вот она, кажется, меня прекрасно узнала и даже подарила мягкую улыбку.

Признаться, эта женщина меня немного пугала. Взгляд у неё был такой живой, въедливый, смотрит, а кажется, что она видит меня буквально насквозь! Все мысли, чувства, ощущения... Всё было ей доступно! И эта способность резко контрастировала с нереальной красотой... Наверное, ей в районе пятидесяти, или меньше? Однако так этого и не скажешь.

Кожа гладкая, светящаяся, ни единой морщинки, а движения быстрые, резкие, но мягкие, как у молодого гепарда.

— Девочки, простите... Гоша у нас шутник, — тётя Кристина закатила глаза и махнула кулаком, а здоровяк в дверях вдруг обернулся и одарил нас широченной улыбкой.

— Боже, я чуть не умерла! — застонала Маша, хватаясь за сердце.

— Гоша, я всё Лютаеву расскажу! — сквозь смех крикнула Савина.

— Какому? Старшему или младшему? — Гоша поддержал веселье и изобразил смертельный испуг.

— Смейся-смейся... А младший на прошлой тренировке всё же уложил тебя, кабана здорового, на лопатки, — Савина отмахнулась и закрыла дверь, отсекая от нас пугающе огромного охранника. — Идём, у нас всё готово.

Маша снова сжала мою руку и потянула за собой. Фойе было просторным, за зеркальными перегородками прятался гардероб и высилась изящная стойка администратора, но сейчас она была пуста. Да и вообще здесь было так тихо, что казалось, кроме нас тут и вовсе никого нет.

Савина по-хозяйски толкнула высоченные стеклянные двери, обвитые кованой имитацией плюща, и я застыла... Прямо перед нами в центре ротонды со стеклянным куполом высился огромный октагон! Это была своеобразная клетка, окруженная слепящими софитами, отчего весь мир вокруг него тонул в искусственной темноте.

— О-о-о-о да! У меня до сих пор мурашки от этого вида, хотя прихожу сюда каждый день, — шепнула мне Савина и тихо рассмеялась. — Идём, девочки.

Мы поднялись по небольшой лестнице на подиум и заметили, что в углу октагона уже суежилась съёмочная команда. Мы с Машкой, разинув рты, смотрели на эту громадину и дрожали, как две перепуганные мышки, угодившие в ловушку. Здесь даже воздух был другим... Адреналин, страх и гул толпы навсегда отпечатались на стенах даже при условии пустых трибун.

— А что здесь делает Савина? — шепнула я Мышке, когда тётя Кристина ловко взобралась на октагон, будто делала это тысячу раз. — Это она придумала фотосессию? А я думала, это твоя дикая идея.

— Этот клуб принадлежит Савину, Князеву и Лютаеву, — ответила Маша и начала раскладывать вещи на ближайшем столике. — А тётя Кристина управляет всем этим.

— Она что, все клубы города решила забрать? — усмехнулась я, наблюдая за Савиной. — И хоккейный, и бойцовский?

— Смешно, — хихикала Маша, но потом резко обернулась, когда входные двери хлопнули.

По стенам зала прокатилась волна мощного мужского смеха, и через мгновение под куполом столпилась вся хоккейная команда в полном составе. И замыкал это шествие тестостерона тренерский состав... Правда, в их лицах не бы-

ло того воодушевления, что считывалось с молодых и смелых хоккеистов.

— Ну и что ты задумала? — Лютаев вынырнул из толпы и обвил руками свою Мышку, крепко поцеловав её в макушку.

— Ты только не ругайся, — Маша крутанулась и в уже отрепетированной схеме вскарабкалась на своего здоровяка, крепко обвив его корпус своими ногами. — Мы будем сниматься на календарь. Вернее, вы будете сниматься, а я просто проконтролирую, чтобы моего парня никто не трогал...

— Чего?

— Илья, мы отснимем вас и разместим фото на календарях! — Маша похлопала его по груди, но так нежно, мягко...

— Это что, легализованное порно? — ударил хриплый голос мне прямо в основание шеи, а следом прокатился поток обжигающего выдоха.

Савин... Я замерла, вытянулась, пытаюсь заставить себя не реагировать. Он — удав, и если показать признаки жизни, то это обернется в очередной спектакль. А сегодня я не в настроении сопротивляться его смертельной хватке.

Я ощущала его всем телом... Волна пламени прокатилась по позвоночнику, замедлилась на задней поверхности шеи и снова рванула вниз, опутывая руки, ноги, замедляя сердце. Савину не нужно было меня обнимать, его энергетики было достаточно, чтобы я вспомнила каждый момент, когда его руки касались моей кожи...

От него даже пахло как-то по-особенному. Свежестью

ветра, горечью морских волн, пряностью раскаленного песка и сладостью тархуна... Закрыла глаза, почему-то удерживая этот вдох, чтобы позже разложить его аромат по ноткам, а потом запомнить и держаться подальше от малейшей схожести.

— Мы не в смокингах, — продолжил Савин полусшепотом, медленно кружа вокруг меня, как зверь вокруг раненой добычи. — Принесли форму, клюшки... Значит, ты, Мышка, толкаешь нас на грех? Торговать молодым красивым телом?

— Ни на что я вас не толкаю! — шикнула Мышка и встала между мной и Максимом, а я наконец-то вдохнула, пока не шлёпнулась в обморок. — Насколько хочешь, настолько и раздевайся. Но торс показать придётся...

— Вот хитрая она у тебя, Лютый. Иллюзия выбора без выбора, — Савин отвел от меня свой колдовской взгляд и дернул плечами, а после растворился в толпе, и вдруг стало так холодно... Невыносимо холодно!

— Мышка, ты серьёзно? — Лютаев выгнул бровь, осматривая октагон. — Прямо раздеваться? Прямо порнушка?

— Это не порнушка! — взвыла Маша. — Это мерч!

— Ну, мерч так мерч...

Я пятилась от толпы, пока не упёрлась в небольшой столик, а после быстро прижала задницу к мягкому стулу, лишь бы быть подальше от всего происходящего. Маша подключилась к организации съемки, парни довольно шустро нача-

ли раздеваться, скидывая одежду на спинки бархатных диванов VIP-зоны, но я всё равно рыскала по толпе в поисках Савина... Вот только он словно растворился!

Я достала из сумки свой ноутбук и погрузилась в курсовую, но буквы путались, пальцы сводило, а взгляд то и дело поднимался поверх экрана прямо на арену ринга.

Сначала это были совершенно невинные фото команды в полном составе. Тётя Кристина смешила их, а фотограф ловил классные моменты, когда парни хохотали. На самом деле выглядело это куда эпичнее, чем я могла представить. Мощь молодых тел на фоне клетки ринга – чистый секс. Фанаткам это очень понравится... Ай да Машка! Ай да умница.

Но потом началась индивидуальная съёмка... И снова Савина не было поблизости. Я даже обернулась, на случай, если этот придурок притаился у меня за спиной. Но нет... За мной было пусто, и лишь тускло подсвеченная линия бара переливалась отполированными бокалами и бутылками дорогого алкоголя.

Я заметила бармена и тихонько встала, подойдя к полупрозрачной стойке, напоминающей огромный осколок, оторванный от айсберга. Он даже на ощупь был холодным и гладким...

— Добрый день, я прошу прощения, — несмело прошептала я молодому человеку, расставляющему коробки с алкоголем в ровную башенку. — А можно попросить кофе?

— Да, конечно, — парень улыбнулся и тут же подскочил

к пугающей кофемашине. — Что для вас приготовить?

— Двойной чёрный и без сахара, — мне было немного неловко, ведь я оторвала его от работы, но молодой человек никак не выразил недовольства, поэтому я расслабилась.

В ожидании я присела на высокий барный стул и с восторгом осмотрела помещение. Это было невероятно красиво, завораживающе, стильно... Нет ни намёка на дешёвый бар, в центре которого собрались потные драчуны. Атмосфера была схожа с театральной помпезностью. Вычурные вензеля сталкивались с холодом стали, резкими линиями, а уютная тьма сражалась с ярким светом, льющимся из стеклянного купола. Пространство парадокса... Слом ожидания о великолепную и чувственную реальность.

— Лютаев! Угомонись! — хохотала Маша, убегая от своего парня, но клетка не позволяла ей этого сделать.

Я улыбалась, наблюдая, как Лютаев заигрывает с Мышкой, наслаждаясь её смущением, медленно стягивая с себя форменный пуловер. Он играл не на толпу, а на ту единственную, которую хотелось соблазнить... И, признаться, видя, как пульсирует на шее Маши венка, ему это ой как удавалось. Они были идеальной парочкой... Он холодный и жесткий, а она мягкая, как сливочное масло.

— Красив, сволочь, — шепнула я и снова сделала глоток, украдкой осмотрев его идеальную фигуру, но потом отвела взгляд, ощутив стыд... Я же не буду пялиться на парня моей подруги?

Я снова вернулась к столику и начала листать курсовую, и даже получилось погрузиться в суть судебной практики, но мощный гул заставил поднять глаза...

— Чёрт тебя подери, — зашептала я и начала скатываться по бархатистому сиденью, чтобы спрятаться за ноутбуком.

В центре ринга под мощью софитов стоял Савин... И что-то сегодня в нём было пугающе странным. Я ещё ни разу не словила его мощного грудного смеха, от которого легкие в комок сжимались, не видела и ослепительной улыбки, контрастирующей с въедливым ледяным взглядом.

В последний раз его подкат я видела позавчера, на игре. Неужели он обиделся, что я не бросилась ему на шею и не поздравила с победой? Боже, нежный какой...

— Савин, ну улыбнись. Что с тобой сегодня? Ни одной пошлой шуточки, по пути молчал... Даже Малышка твоя сидит ни разу не облапанная! — грохнул Лютаев, но Максим продолжал медленно стягивать джемпер с номером семь, не обращая на друга никакого внимания, и вот тут я поплыла...

С каждым движением мышцы под смуглой кожей перекачивались в томном танце. Идеально выточенная спина, широкий плечевой пояс и узкая каменная талия, обрывающаяся на грубой резинке его красных форменных штанов. Савин будто нарочно не поворачивался ко мне, стоя полубоком... То ли оттягивал момент, то ли решил оставить меня в покое!

Но сейчас мой мозг отрубился, я отказывалась здраво анализировать происходящее, поэтому вырвавшийся из рта

шепот потряс меня саму до глубины сжавшейся душонки:
— Повернись...

И Савин словно услышал меня. Откинул джемпер, попав четко в Мышку, и по октагону наконец-то пролетел его колдовской хриплый смешок. Короткий, но взрывной, как сокрушительный удар...

Эта вибрация въедалась в кожу, отравляла кровь, обрывала дыхание...

И вот я уже рассматриваю это идеальное тело. Каменные грудные мышцы подрагивали, вторя его хохоту, а пресс превращался в вырезанную из скалы фреску. Я могла... могла пересчитать каждый кубик! Да что могла? Именно этим я и занималась, пока Савин не повернулся ко мне лицом.

Его пристальный взгляд ударил порывом ледяного ветра, и я ещё глубже провалилась в кресло, но уже была ранена...

Из-под резинки штанов торчало тёмное пятно татуировки, и чтобы выяснить, что же там набито, мне пришлось собрать все мои силы и встретить смерть достойно воину! Я поднялась, выдерживая силу его взгляда, а сама уже ползла глазами по крепкой шее, груди, прессу ровно к пасти дракона...

Разинутая пасть выглядывала с правого бока, а Савин опять мысли мои прочитал и развернулся, демонстрируя тело огнедышащего, рассекающего его спину. Всю красоту рассмотреть мешали широкие подтяжки штанов, но Максим понял моё негодование и скинул их, а после задрал руки вверх

и... Морда дракона ожила!

Всё его тело двигалось при каждом сокращении мышц. И управлять этим сказочным и опасным существом мог только Савин... Только его желание превращало плоскую картинку в анимацию. И эффект усиливался толстыми прутьями октагона. Казалось, в этой клетке сидят и дракон, и его хозяин, приручивший пламя...

Вот он источник персонального жара... Вот он мой ад, что затягивает в бойню, в которой у меня заблаговременно нет шанса на победу.

Дракон... Да, наверное, иного на Савине и быть не должно.

Я чуть задрала голову, тут же угодив в капкан его глаз. Попалась... Но плох тот кролик в пасти змеи, что не пытается выбраться до последнего. Вот и я ответила на его напор ответным потоком искр. Если он – пламя, значит, все что остается мне – быть льдом!

И осмелев от собственных мыслей, я больше не отвела глаз. Тарасилась на этого монстра, напиваясь его опасностью, усиливая концентрацию неприязни. Вот так, Савин... Помоги мне ненавидеть тебя ещё больше!

Савин и это считал... Криво усмехнулся, вздёрнул бровью, рассечённой белесым шрамом, и повернулся к фотографу.

— Вам достаточно секса? Или приспустить штаны? — рывкнул он, и хрупкая и красная от восторга девушка опу-

стила глаза, выдавая, что над этой персоной он возымел привычный эффект. — Тогда я пошёл!

Максим быстро натянул пуловер, схватил свой баул и выскользнул из октагона, оставляя лишь флёр сладко-горького тархуна. Вот весь он такой... Смешливый клоун, а под одеждой — дракон.

— Поговори с ним! — зашептала Новик. — Тань, ну поговори!

— Маша, отстань, — я отмахнулась от подруги. — Я тебе рассказала по секрету! Почему я должна вытягивать извинения и объяснения из этого напыщенного и обласканного жизнью придурка? Он же избалованный засранец, стоял тут, сверкал своими мускулами... Он к этому привык, понимаешь? Все девушки должны к нему липнуть, а он будет выбирать.

— Тань, я не хочу с тобой ссориться, правда, — Маша села рядом и сжала обе мои руки. — Но ты просто поверь, что он не такой!

— Да? — от отвращения я даже фыркнула, смотря вслед Савину, что вальяжной походкой самца удалялся прочь из клуба в компании своего дракона. — Мажор, выросший на перине, с золотой ложечкой во рту?

— Он приёмный, — вдруг шепнула Маша мне на ухо. — Ему было три, когда тётя Кристина забрала его домой. Кажется, у него умерли все родители в автокатастрофе. Но это неточно, я не стала допытываться. Это его секрет.

Чёрт подери! Грёбанный ты дракон! Сколько ещё секретов хранится в твоей пасти?

— Однако это не отменяет факт, что он вырос на перине вседозволенности! Я просто хочу, чтобы он от меня отстал, понимаешь? Я осознаю, что крайней в этой ситуации оказываешься ты, но поверь, я подругу выбирала сердцем! А ещё поверь, я очень стараюсь, чтобы тебе не было за меня стыдно! — цедила я, сжимая руку Маши. — Мне нужно пережить эти два свидания, и всё!

— Я помогу, — шепнула Маша и крепко обняла меня. — Но ты все равно подумай, это старая обида, которую уже нужно отпустить. Ты взрослая, сильная, красивая... Выскажи ему всё, и пусть валит ко всем чертям!

— Нет, я его помучаю для начала...

Глава 4

— Доча, привет! — веселый, немного мурлычущий голос раздался в наушниках, заглушая музыку, когда я уже заканчивала пятнадцатый круг у стадиона.

— Привет, пап, — я задыхалась, глотала воздух, упираясь обеими руками в подрагивающие колени.

Взгляд упал на опухающую лодыжку. Боль резким спазмом прошла от стопы до бедра, я едва подавила вскрик, но тут же справилась, потому что не впервой. Рано ещё совмещать лёд и бег...

— Ты что, бегаешь? — хмыкнул отец, и мягкость его голоса растворилась.

— Да, Марат Евгеньевич же ещё год назад разрешил, — я выпрямилась, растягивая каждую мышцу спины, и посмотрела в серое безоблачное небо... Смог с самого утра накрыл город плотным покрывалом, украв солнце у его жителей.

— Мне это не нравится, — тут же выдал отец. — Я сегодня же позвоню Марату и выясню, что он там тебе разрешил, а что нет!

— Пап, ну я же не маленькая. Ты думаешь, я себе вредить буду? — я рассмеялась, понимая, что беспощадно вру родному отцу... Взгляд снова метнулся к щиколотке, сдавленной кроссовком до тупой пульсирующей боли.

— Ладно, Танюш, ты права. Ты у меня девочка умная,

тебе я верю. Хотя... Ты что-нибудь слышала о прецедентной практике? — голос отца зазвенел металлом, а значит, время пришло...

— Ты знаешь, — я даже спрашивать не стала, а выдала утвердительное предложение, готовясь к длинной нотации.

— Конечно, знаю! Я всё ждал, когда моя единственная дочь скажет правду, — тяжело вздохнул отец, но я-то ощущала, что он до сих пор кипит от злости. И, наверное, имеет на это право. Прецедент... Соврала один раз, совру и второй.

Мой отец — известный журналист. Его расследования печатают все крупные издания, его имя внушает уважение, трепет и порой даже страх. Он, Константин Алексеевич Чумак, звезда документальной журналистики. Это эталон, вершина, к которой и мне полагалось тянуться.

Но... Я тоже вроде как Чумак. И если отец не признаёт идолов, то это упрямство передалось и мне, поэтому я в этом году забрала документы и перевелась на юридический, оставив журналистику как хобби.

— Танюш, я тебе мог помочь...

— Пап, а вот тебе помогали? — я прихрамывала, сворачивая в сторону аллеи, ведущей к моему дому. Всё... Кажется, добегаюсь. — Или, может, у тебя были покровители? Нет! Ты всего добился сам... Я права?

Но отец вдруг замешкался, правда, всего на секунду, но этот факт не утаился от меня.

— Конечно, сам, — я чувствовала, что он улыбается. — Дочь, ты уверена, что хочешь быть юристом? Это же так скучно... Слушать оправдания преступников, защищать или обвинять их, или вовсе судить невиновных?

— Пап, ты своего рода тоже судья, правда, без кодекса, прокурорского постановления и защиты адвокатов. Так что не надо рассказывать, как тяжела эта ноша. В юриспруденции хотя бы правила есть, а журналистика продажна и пугающе субъективна. Ты же сам рассказывал, что аналитика давно растворилась под гнетом пропаганды, — выдохнула я чистую правду, понимая, что мои слова лишь злят отца. Но ведь это правда...

— Уела старика, — хохотнул отец. — Ладно, я возвращаюсь через пару недель.

— Серьёзно? — запищала я, забыв и про боль в лодыжке, и о страхе разоблачения.

Я не видела отца уже полгода, он работал в архивах Аргентины, где предположительно находился бункер нацистов, и где по одной из версий укрывался Гитлер. Но мой папа был натурой увлеченной, въедливой, поэтому его командировки порой превращались в бесконечную пытку... А ещё мне было жаль маму, ведь это она была вынуждена разрываться между двумя странами!

Правда, в последнее время она безвылазно торчала в резиденции моего дедушки. Он был болен и нуждался во внимании.

— Да. Так что тебе привезти? Пиши список санкционных товаров, — рассмеялся папа.

— Ты сам лучше приезжай, а остальное у нас тут свободно можно купить!

— Хорошо. Но ты все равно готовься, я приеду, и у нас будет серьезный разговор.

— Договорились. Ты только приезжай, папуль.

— Как мама? Давно у неё была? — отец снова врубил родительский тон.

— На выходных ездила. А что? — я встревожилась, потому что утром мама мне не позвонила.

— Да нет, просто она за дедушку переживает. Говорит, настроение у него меняется так стремительно, что от любви до ненависти уже не шаг, а буквально пара сантиметров...

Мы с папой рассмеялись, потому что это противостояние мамы со своим отцом порой напоминало кровавую и несправедливую войну! Но при этом обманчиво мягкую, любящую и безмерно эмоциональную.

— Тогда приезжай и помоги им скорее, потому что я не выдерживаю этой схватки! — я наконец-то вошла в квартиру, заперлась и, бросив ключи на консоль, прямиком отправилась к холодильнику, где в морозильной камере у меня были заготовлены компрессы.

— Ты бегаешь, потому что скучаешь по спорту? — вдруг спросил отец, возвращая нас в начало разговора.

— Да... Я очень скучаю, — кивнула, но тут же взяла себя

в руки, правда, взгляд метнулся к нише, спрятанной за то-нированным стеклом, где хранились ставшие бесполезными награды, кубки и медали. Флёр прошлого, избавиться от которого мне не хватало смелости.

— Мне очень жаль, дочь.

— И мне, пап... Ладно, мне пора в универ. И ещё... Прости, что не сказала правду. Я знаю, что у нас в семье это не принято, мы обсуждаем все, включая то, что под запретом. Помню и, что нет той проблемы, которую бы невозможно было решить на семейном совете, — затараторила я вызубренные с детства слова родителей. — Но я просто однажды пришла на пару и поняла, что так больше не хочу.

— Таня, дело не в выборе твоей профессии. Просто ты права – в нашей семье не принято совершать необдуманных действий. Я не знаю, куда ты перевелась, кто там с тобой вместе учится, что за уровень образования! Поэтому не обижайся, но как только я прилечу, обязательно схожу к вашему ректору и всё-всё узнаю...

— А вот это уже похоже на гиперопеку. И она негативно сказывается на ещё не сформировавшемся характере ребёнка. А я всё ещё твой ребенок!

— Вот именно поэтому, Танюш, ни один твой аргумент не сработает. Ты не просто мой ребёнок, ты мой единственный ребёнок, и весь смысл моего существования – твоё счастливое будущее, — голос отца хрустел припрятанной досадой, но я стерпела, потому что заслужила.

— Ты, главное, возвращайся, — улыбнулась я.

— У тебя есть деньги? — заботливо протянул он. — Та-нюш, я тут с коллегой работаю, и вот его дочь каждый день написывает, требуя денюжку то на духи, то на юбочку. Вот в кого ты у меня такая?

— Ну не в маму же, — расхохоталась я, вспоминая три комнаты гардероба от кутюр. — Так что я в тебя пошла, папуль. Готова поспорить, что на тебе ремень, который я подарила тебе много лет назад, на руках старые часы с потёртым ремешком, а надушен ты классическим ароматом, которому ни разу не изменил, — я упала на диван и примотала эластичным бинтом компресс, думая сейчас лишь о том, как бы доковылять до машины.

— Стабильность, разум и расчёт, — хором произнесли мы девиз нашей семьи.

— Пока, дочь...

— Пока, папуль...

Я закрыла глаза, достала из кармана худи телефон и футляр для наушников, когда на экране вспыхнуло сообщение.

Номер мне был более чем знаком, ему не требовалось имя, поэтому вместо букв там красовалась рота красных разгневанных смайликов, а со вчерашнего дня ещё добавился и мультяшный дракон. Чёртов дракон... Почему я никак не могу его развидеть?

— СА-ВИН... — прохрипела я, в очередной раз разорвав его фамилию на слоги.

«Мальшика... Выходи за меня?»

«Пошёл ты, придурок!»

Я не знаю, зачем отвечала, но эта игра была похожа на пучину, она затягивала, превращая наши пикировки в рутину.

«Тогда я пошёл за кольцом...»

«К чёрту, Савин, тебе нужно идти к чёрту...»

Я быстро приняла душ, переоделась и на время занесла контакт Савина в черный список, чтобы не мешал мне на парах.

Боль в ноге немного утихла, я смогла и нормально доехать, и даже дойти до третьего этажа, где в самой большой аудитории сегодня должна быть лекция для всего нашего потока.

— Привет! — махнул мне Илья Лютаев, с которым мы были однокурсниками, и, перебросив свой рюкзак слева от себя, указал на свободное место на скамейке.

Я храбрилась, но Илья был очень внимателен и заметил, что я немного прихрамываю.

— Упала, что ли?

— Пробежала неудачно, — я отмахнулась и достала свои конспекты, готовясь к семинару. — Как дела?

— Пока нормально, — он дернул плечами и откинулся на спинку скамейки, закрывая глаза.

Спортсмены... Они ловят малейшую минутку, чтобы покемарить. А я вообще не понимаю, как Лютаев справлялся с этими нагрузками, потому что на типичного спортсмена он

мало похож.

Он был почти на всех лекциях, а ещё мотался между сбойной страной и играми в клубе. Я знала это, потому как Машка вся издёргалась от тревоги.

В аудиторию вошёл преподаватель, студенты засуетились, разбредаясь по амфитеатру, пытаюсь найти свободные места, но я краем глаза заметила тень, скользющую по ступеням ровно к нашей скамейке, и через мгновение рядом со мной опустилось облако жара с ароматом сладко-горького тархуна.

— СА-ВИН... — протянула я и отвернулась.

— Здорово, — Лютаев даже не открыл глаз, просто протянул руку, и Макс ответил на рукопожатие, хотя его взгляд был приклеен к моему виску.

— Таня, Танечка, Танюша-а-а-а, — протянул он прямо над моим ухом. — И почему я в тебя такой влюблённый?

— Потому что идиотам, вроде тебя, интересно бросаться на движущуюся и запретную мишень. Ты, Савин, обычный охотник. Но как только жертва испускает свой последний...

— Стон... Ты хотела сказать, жертва испускает свой протяжный, полный сладостной муки после продолжительного оргазма стон, — зашептал он на ухо, едва прихватывая губами мочку. Резкий звон золотой цепи серёжки оглушил... Она ударилась об его зубы, и мой пульс пошёл галопом.

Боже... Мышцы свело спазмом, даже боль в ноге ушла на какой-то десятый план. Засранец! Боже, какой же он засра-

нец!

— Пусть будет так, — я дернула плечом и повернулась к нему, рассматривая красивое лицо...

Глаза его были чище весеннего неба, выразительные брови сведены на переносице, а белёсый шрам изогнулся, превращаясь в молнию, что непременно ударит в меня рано или поздно. Прямой нос, высокие скулы, угловатая челюсть, чуть припытанная за густой порослью шелковистой щетины.

И губы... Вот они были великолепны. Пухлые, чувственные, довольно резко по-мужски очерчены волшебной каёмочкой, по которой хотелось пробежаться подушечкой пальца.

— Скажу прямо, чтобы ты не заблудился в аллегориях и путаных оборотах, — я наклонилась к нему так близко, что наши носы столкнулись, а по аудитории побежал возбуждённый ропот. — Как только ты трахнешь свою жертву, то она становится обычной статуэткой на полке твоих регалий. Но это пшик... Это пустое место, потому что ты ёбарь обыкновенный. Ни морали, ни стыда, ни совести... Сюда, на лекцию третьего курса, тебя привела похоть, иначе какое объяснение, что забыл тут пятикурсник? А такие мне неинтересны.

— Чумак! Савин! — грохнул преподаватель, что уже несколько секунд отчаянно лупил деревянной указкой по столу в бессмысленной попытке привлечь наше внимание.

Но я не могла оторваться... Знала, что все три потока смотрят сейчас на нас, что тем самым наживаю себе толпу

врагов в лице девушек, я все равно пялилась в его глаза и таяла... Запрещала себе, ненавидела, но всё равно таяла!

— Быть может, всем расскажете, о чём вы там шепчетесь?
— не унимался преподаватель, понимая, что пока мы не перестанем играть в гляделки, ему не удастся начать семинар.

— Сергей Петрович, неистово прошу прощения! — подал голос Савин, и вдруг его губы всего на миг... на один чертов миг коснулись моих, рассыпая искры ожогов по коже. — Я всё пытаюсь уговорить Чумак выйти за меня, а она посылает ко всем чертям. Вы, как высококласный юрист, не подскажите, как отмазаться перед законом за насильное удержание человека в подвале своего дома и принудительное венчание?

— Савин! — грохнул препод, едва сумев сдержать рвущийся смешок.

— Похищение человека. Статья 126 УК РФ, — выдала я, не отводя глаз от этого шутника.

Внутри всё полыхало, глаза слезились, ведь сегодня я надела линзы вместо очков, а эти засранцы не терпят сухости. Максим улыбался, чуть демонстрируя белоснежные зубы, а значит, он в шаге от активных действий. Но я вытерплю! Я его переиграю...

— По части первой предусматриваются принудительные работы на срок до пяти лет либо лишение свободы на тот же срок, — продолжила я, вытряхивая из мозга нужные мне знания. — А вот по части второй есть нюансы. Если, к примеру, тебе поможет Лютаев, то это уже похищение группой

лиц по предварительному сговору. Там прописано и применение насилия, опасного для жизни или здоровья, на случай если твоё принуждение примет БДСМ-оборот. А также уточняется применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, — я чуть опустила взгляд к бугрящейся ширинке чёрных джинсов Савина и воспользовалась этим моментом, чтобы проморгаться, а после снова подняла глаза.

Я уже готова была ликовать и торжествовать от ощущения победы! Я его сделала... Но Савин не из тех, кто сдаётся, а этого я не предусмотрела. И лишь когда его улыбка снова превратилась в хищный оскал, а по аудитории пробежался его фирменный хриплый смех, я сжалась.

— Ай да умница! Это моя будущая жена...

Савин театрально обвёл взглядом аудиторию. Он нарочно игнорировал девушек, зато внимательно осмотрел каждого потенциального соперника, действуя на опережение. Он что... Он что, метит меня? Даёт понять, что ко мне нельзя теперь подходить?

Но тут Савин обернулся, и я от растерянности звонко икнула.

— Но примечание к статье гласит, что лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления, — рыкнул Савин и поднялся... Он с грацией льва покинул аудиторию, унося за собой и весь кис-

лород...

Так, я не поняла... Кто выиграл? Я? Или он?

— Чумак, зачёт! — прохрипел преподаватель и закрыл улыбку рукой.

— Не тягайся с ним в кодексе, Таня, — лениво зевнул Лютаев, словно ничего такого сейчас и не произошло, а после повернулся и зарычал, напоминая таращащейся толпе, что они на лекции, а не на арене цирка. И его послушали... — У Савина бесяче-феноменальная память.

Я машинально обернулась, но тут же столкнулась с полупрозрачным и пристальным взглядом Ильи.

— Поэтому я не верю, что он мог тебя забыть...

Глава 5

«Я не верю, что он мог тебя забыть».

Слова Лютаева зудели на подкорке, как назойливая муха. Они не исчезли, даже когда я вернулась домой. Не верит он!

А что получается — это я вру? Или я забыла, что это был просто липкий сон? Забыла, что мне никто свидание не назначал, а потом и сама же забыла на него прийти? И естественно, я просто так просидела в том дурацком ресторане как посмешище?

Нет, Савин, ты можешь своему другу запудрить мозг, но меня ты не проведешь. И дело не в том, что я хотела отомстить. Тут Маша права, это дело неблагодарное и бестолковое, а главное — в нём нет ни капли справедливости. А ещё оно совершенно не свойственно моему характеру.

Спортсменов с детства учат достойно принимать поражения. А ведь изначально наш путь состоит сплошь из поражений, и лишь в полной мере ощутив свои силы, усвоив грани возможностей, мы начинаем одерживать победы.

А тот... Я на секунду задумалась, вспоминая тот день в ярких красках, зажмурилась и протяжно выдохнула. А тот случай был просто поражением, значит, я должна переступить и идти дальше. И именно так я и поступала до тех пор, пока на моём пути не появился Савин. Не я его искала, он сам появился в моей жизни. Опять...

И я ему не мщу! Я просто... Просто латаю свою самооценку. Савин – это старая татуировка, с которой связано очень плохое... очень-очень плохое событие. Так вот, я просто забью эту татуировку другой. И пусть она будет яркой и забавной.

Я приняла душ, чтобы смыть усталость, после завязала компресс на растревоженной утренним бегом лодыжке, а потом выбрала книжку и устроилась в кресле-кокроне, стоящем около большого окна кухни-гостиной.

Но стоило мне пробежаться по первым строкам нового романа, как моя голова взорвалась жуткой барабанной дробью!

«Дракон – самое опасное существо на этой планете... Он сливается со своим всадником воедино, дарует ему силу, мудрость и становится самым верным другом. И никто... Никто в этом мире не способен разрушить эту связь. Если дракон выбрал себе всадника, то умрёт... или убьёт за него!»

Дракон... Я закрыла глаза, но все мои мысли и даже всю мою злость затмило всего одно воспоминание. Оно ожогом отпечаталось в моей памяти и слабо походило на татуировку, которую можно перекрыть.

Крепкий мужской торс, охренительные мускулы... Не те, что надуваются с помощью спортпита и разных добавок, а настоящие, с розоватыми следами растяжек, с затаившейся в них силой. Мощной, упрямой, рвущейся на волю! И дракон, что навсегда оплёл своего всадника от шеи до поясницы, иг-

риво скалящий пасть с острыми клыками.

Боже, я что, всерьез сейчас об этом думаю?

Я отбросила книжку в сторону, и взгляд упал на телефон. Так странно... Обычно к вечеру Савин активизируется и начинает засыпать сообщениями или звонками, но сегодня было тихо.

— Дракон... Дракон, — шептала я, пялясь в глянец потолка, а после открыла ноутбук и вбила в поисковик имя нападающего из «Дьяволов». — Гребаный дракон! Грёбаный Савин!

Я никогда не делала этого раньше, поэтому от водопада статей чуть не ослепла! Фанатские статьи, чаты, тонны снимков, нарезки игр. Но нигде... нигде не было фотографии, где бы Савин был хотя бы без футболки.

Да, я просто хотела рассмотреть дракона... Честное слово! Но это гадкое вранье лишь драконило моё спокойствие. Чёрт подери... И тут дракон.

Взгляд снова упал на брошенный на диван телефон.

— Стоп... Я же ещё утром добавила его в черный список! Он наверняка поэтому и пришёл ко мне на пару, — я потянулась к гаджету и несмело достала контакт Максима из блока, а уже в следующий миг телефон начал вибрировать.

М: «А ты хороша... С тобой приятно сражаться, хотя я не уверен, что это именно то занятие, которым бы мне хотелось с тобой заняться».

Савин, как всегда, был неподражаемо откровенен. Ещё

никогда я не встречала на своем пути таких вот мужчин. Нет, конечно, у меня был довольно скромный опыт, статистика по нему не вынесет никакой критики. Но тем не менее...

Ещё никто не говорил то, что думает, и не делал то, чего хотел с такой пугающей, но элегантной непосредственностью.

Т: «А я не уверена, что твоё настойчивое внимание не попадает под статью о преследовании».

М: «Малышка, ты как никто знаешь, что наш несовершенный уголовный кодекс никак не наказывает сталкеров. А добрые судьи мужчины закрывают на это глаза, пользуясь единственным аргументом: «Ну, не убил же»!»

Т: «Но я планирую дожить до того момента, когда твои сообщения можно будет представить как улику. И дай Бог, чтобы мне попалась женищина судья».

М: «Не советую, Малышка. Взрослые тётки от меня приходят в полный восторг».

— И не взрослые тоже, — шепнула я, и тут... Тут внезапная шалость вспыхнула в моей голове пульсирующим маяком надежды. И, кажется, я знала, как сделать первую попытку забить старую черно-сизую татуировку прошлого новой, цветной.

Т: «А ты развратный засранец, Савин!»

М: «Не открывай дверь в Нарнию, Малышка. Тебе там с непривычки совсем не понравится...»

Т: «Думаешь? А вдруг именно так я и люблю?»

Савин вдруг замолчал, а мне стало тревожно... Не то чтобы я переживала за него, просто лёгкое ощущение возбуждения вкупе с досадой от сорвавшейся наживки больно полоснули по нервам. Но через пару минут телефон снова ожил, и Савин прислал фотографию из спортзала, где в краешке зеркала на стене я заметила его красивые натренированные ноги.

Т: «Савин, а это оригинальнее, чем «В душ, и без меня?»»

М: «В моей интерпретации это звучит как: «Потеть, и без меня?»»

Максим одобрил сообщение щедрой горстью смайликов, а я поймала себя на мысли, что улыбаюсь. Дура! Ну что ты лыбишься? Чему? Жалким попыткам тебя склеить? Или фотографии спортивного снаряда?

Я не знала, что ему ответить... Минуты тянулись, образуя долгую паутину. А я всё смотрела на тёмный экран, прислушиваясь к битве совести и жажды крови.

Но Максим всё сделал сам...

Когда экран вспыхнул, и я увидела в сообщении вложенное фото, мне стало душно... Воздух буквально раскалился до состояния шипящих углей. Руки затряслись, я прижала ладони к полыхающим щекам и отсчитывала сотню... Сотню ударов своего сердца, прежде чем позволила самой себе все же открыть это сообщение.

«В душ, и без тебя...»— эту надпись Максим нанёс прямо на фото... и я её даже не сразу заметила, потому как всё

моё внимание было приковано к красивой фигуре, запечатлённой в зеркальном отражении душевой комнаты ледового дворца.

Знакомый рельеф мышц защекотал мои нервы, но я долго оттягивала момент признания в собственной слабости, рассматривая сильную руку, которой он удерживал телефон, чуть прикрывая своё лицо. Был виден лишь один глаз... Но даже в нём было больше чистоты и голубизны чистого весеннего неба, чем мне того хотелось. И я сорвалась... Проскользила по груди, мышцам пресса, застыв на о-о-о-очень низко спущенных шортах, из-под которых выглядывала уже знакомая морда дракона.

Я машинально, совершенно бездумно и нелогично прижала палец к татуировке, представляя, насколько же ему было больно! Тело дракона было полностью черным, а вот чешуйки с намёком на глянец художник изобразил полутонами. И эта работа была воистину великолепна!

Он не был маленьким, не был большим, не был пошлым... Он был настоящим драконом, охраняющим своего всадника.

Больше Савин ничего не писал, а мне больше было и не нужно... Сейчас бы снова закрыться в душе, чтобы выполоскать из головы эти бредовые мысли. Ну... Или принести самой себе хоть каплю облегчения.

— Придурок! Боже, какой ты придурок! — прошипела я, а после вновь притянула ноутбук и начала творить гадкую магию.

Я зарегистрировалась на фанатском форуме, естественно, не под своим именем, а после нашла самую бурную и активную ветку и уже через мгновение залила туда фото Савина.

«Чёрт... Вот взрослая же ты женщина, а поступаешь, как обиженная девчонка!» — вопил голос разума.

— Я не девчонка! Он не голый, а значит, ничего противозаконного я не совершила! — в голос ответила я, но разум не унимался.

— Да? А почему тогда тебя пожирает ревность? Раньше этого дракона видела только ты, а теперь вся фанатская база будет знать — и где этот дракон, и что именно он защищает в штанах Савина, судя по расположению головы...

Дьявол... Ну почему так сложно шалить и баловаться, когда тебе двадцать? Почему я должна побеждать в спорах и Савина, и голос собственного благоразумия? Это нечестно!

Но как бы я ни сопротивлялась, голос разума победил... Я было потянулась, чтобы стереть содеянное, но было слишком поздно. Всего за минуту моего замешательства ветка блога взорвалась тысячей сообщений! Девчонки готовы были глотки грызть друг другу. И я готова была поспорить, что фотография с надписью: «В душ, и без тебя...» теперь станет заставкой на смартфонах всех его поклонниц.

Но разум был прав... Это предназначалось мне. Только мне...

Глава 6

— Дьявольский дракон! — прошипела я, поднимаясь по лестнице.

И причиной моего негодования была не ноющая нога, а изменившаяся атмосфера коридоров универа. Всё произошло так внезапно, что я не сразу сообразила, что именно случилось. Но когда заметила, что ни один из студентов мужского пола не смотрел мне в глаза, сердце оборвалось...

От меня шарахались, как от прокаженной! Стоило заметить меня в коридоре, как парни начинали тарашиться куда угодно, но только не на меня! Их не смущала перспектива свернуть себе шею в и без того травмоопасном здании, кишащем чокнутыми студентами... А какая разница, как лишиться жизни? Упасть с лестницы или позволить Савину скрутить их в румяный рогалик?

Я уже видела это... Видела! И лишь наивная Мышка носилась по полупустым коридорам своего универа на крыльях любви и не замечала своего неприкосновенного статуса. А за исполнением этого табу каждый гребаный день следили или Савин, или Лютаев!

Если Илья не успевал забрать свою Мышку, то это делал Максим... Только ему можно смотреть, касаться и сыпать колкостями в сторону Маши. Но на этом список приближённых заканчивался, и думается мне, что Лютаев с большой

неохотой терпел моё присутствие рядом с любимой. А если взять в расчет наши постоянные стычки с его лучшим другом, то обратный отсчет терпения Ильи уже запущен.

Я перевела дух, останавливаясь в центре лестничного пролёта, и толпа студентов расщепилась на два потока, обходя меня по обе стороны. Боже, какой позор!

«Ай да умничка... Жена моя будущая!» — слова Савина до сих пор щекотали мои нервы.

— Коростылёв! — я перехватила пробегающего мимо Пашку за руку и выдернула из толпы, бредущей вдоль стеночки вниз по лестнице. — Куда идём? У нас что, пару отменили?

— Ага, — кивнул он, так и не подняв на меня глаз. — Препоод задерживается вроде. Есть минут сорок, чтобы попить кофе.

Пашка вел себя, как долбаный придурок. В какой-то момент он выдернул руку и бросился догонять свою компанию, но не выдержал и кинул в меня полный сожаления взгляд.

— Дьявольский дракон, — снова повторила я, потому что от фамилии Савина меня уже мутило... Он зудящей занозой отпечатался на кончике языка, а это бесило куда больше, чем его дракон!

Я постояла на лестничном пролете, понимая, что уже преодолела четыре этажа, и поворачивать назад не было никакого смысла. Ну, задержится препода, так я его в аудитории дождусь.

Вцепилась в поручень и начала карабкаться. Интересно, а преподам можно на меня смотреть? Быть может, с его способностями можно договориться о послаблениях, потому как в связи с моим переводом часть учителей весьма скептически оценивают мои возможности. Для них я взбалмошная журналистка, а не будущий юрист.

В руке дрогнул телефон, а на экране вспыхнула фотография Мышки.

Чёрт... Вот с ней-то я и забыла обсудить свою шалость!

И я припустилась бежать, чтобы уже уйти с прохода студентов. Поднялась на этаж и присела на край ближайшей скамейки, наблюдая, как сидевшие там парни растворились как по мановению волшебной палочки.

— Ма-а-а-а-аш, — виновато протянула я в трубку. — Ты сильно злишься?

— Тань, это правда ты сделала? — тяжело вздохнула Мышка, и её отчаянье лупануло в ухо резким ударом.

— Он сам попросился! — прорычала я и откинула голову. — Но вообще... Я уже жалею. Я просто не успела удалить! Эти гребаные фанатки начали форсить фото, как миллион муравьёв, и уже через пятнадцать минут новость заполонила всё информационное пространство! Может, он не узнает?

— Тань, ты серьёзно? Он сам тебе фото отправил, неужели ты думаешь, он забудет оригинал? И весь этот кипиш в каналах «телеги» может пройти мимо Максима? — Мышка перешла на шёпот. — Он уже знает!

— И что Савин? В ярости? — я не смогла скрыть из голоса удовольствия, смакуя мгновение победы над наглым придурком.

— Лютаев его на тренировку утащил. Быть может, это поможет спустить пар? Но вообще, я ещё никогда не слышала, чтобы этот здоровяк так хохотал, — Маша захихикала. — Да ладно он... Ты мне-то почему ничего не сказала? Я с шести утра составляю претензии в адрес всех сайтов, грозясь судебными исками! А оказывается, это твоя шутка?

— Прости, подруга, — я тоже рассмеялась. — Он правда меня взбесил вчера. Припёрся на лекцию и устроил там спектакль. При всех заявил, что я его будущая жена! А ещё теперь ни один из парней не смотрит на меня. Маша, ты понимаешь? Они обходят меня стороной, будто у меня оспа, тиф или ветрянка!

— Если честно, то звучит как объявление войны, — тихо сказала Маша и откашлялась.

— А это не от меня зависит. Передай Лютаеву, пусть хотя бы он повлияет на своего дружка! Мне не нужны извинения, я не хочу возвращаться в прошлое, я просто хочу спокойно учиться и не шарахаться от шороха за спиной. Пусть Савин оставит меня в покое! Слив этого фото должен был подсказать ему, что я чокнутая и немного больная, а значит, опасная.

— Танюш, я тебе говорила, что чем сильнее ты брыкаешься, тем отчаяннее он тебя хочет! А как ты считаешь,

как именно он расценил твою выходку? Как предупреждение или как манящий неизвестностью значок «Не влезай, убьёт!», наклеенный на запертом сундуке?

— Машка, какого черта ты стала такая спокойная и мудрая? Мне с тобой веселее было, когда ты своему благоверному портила репутацию колкими статейками, — я прыснула смехом, хотя стоило признать, что Новик права.

— А Илье-то как было весело! Наверное, именно тогда он в меня и влюбился, — подруга тоже расхохоталась, и я спокойно выдохнула, что хотя бы её не обидела. Прикусила язык, понимая, что если отпугну и её, то снова останусь одна...

— Ладно, Мышка... Да, я засранка! Но ты же меня простишь? Просто ляпнула, не подумав. И да, я осознаю всю тяжесть содеянного и готова нести наказание, но не от Савина. Тебе даю слово — больше никаких несанкционированных выходок. Но мне нужна будет твоя помощь, — я кивнула знакомым, вышедшим из дальней аудитории, но они махнули мне в ответ и быстро свернули на лестницу.

— Какая? — настороженно протянула подруга.

— Он не отстанет, пока я не схожу на два свидания. Вот первое он запомнит, и тогда точно забудет обо мне навсегда, а про второе свидание и вовсе не вспомнит, — прицедила я.

— Да? А ты? — снова прошептала Маша. — Что скажешь ты, когда Савин перестанет превращать твою жизнь в яркую карусель нелепостей?

— Это, Мышка, называется жизнью нормального человека. И дай Бог здоровья той бессмертной, что решится связать свою судьбу с этим придурком. Ладно, Мышка, мне надо на пару бежать, — я машинально поднялась, когда прозвучал звонок.

— Танюш... — аккуратно начала Маша. — Ты ввязалась в игру, в которой процент выигрыша пятьдесят на пятьдесят.

— Тогда либо утону, либо всплыву. Всё, мне правда пора...

Я убрала телефон и закрыла глаза, но всего на минуту, поэтому, как только утихли шум звонка и шорох собственных мыслей, до меня долетело щебетание со скамейки напротив.

— И что Савин в ней нашёл? Слушай, а может, это сотряс? Слышала, они на льду с Лютаевым подрались, — хихикала высокая брюнетка, томно перекидывающая длинные ножки, расставленные в проходе как изощрённый капкан на дикого зверя. — Не, ну точно — обычка... Серая, безликая заучка.

— Ты Дятлову помнишь? — подхватила эту игру вторая девушка, обращаясь к своей подруге, вот только смотрела она чётко на меня. — Ну, Мисс Универ прошлого года? У неё ноги от ушей, папка — нефтяник. Да её морда с каждого глянца скалилась! Вот это уровень, вот это я понимаю... А это кто? Ты видела его тело? Вчера по всем пабликам фотка пролетела... Так бы и съела! Ням-ням...

Сука... Злость неизвестной природы вылилась в зубовой скрежет.

— Ну что, ты Савина не знаешь? Он же удав, сначала обворочит свою жертву, а потом всласть наиграется и сбросит. И тогда закончится её сладкая жизнь в этом универе! Савину осталось несколько месяцев, потом диплом, и он вольная птица с клюшкой, а вот эту обычку заключают!

Мы встретились взглядами, но девушка даже не отвернулась, продолжая цедить яд слов. Да... Запрет был только на парней, а вот девчонки вмиг сплотились, превращаясь в разгневанную толпу таких обманутых дольщиков. Они едва пережили провал по покорению Лютаева, а тут и Савина из-под носа так нагло уводит? Ну и, естественно, все это делало из меня цель номер один!

Но если сложить один плюс один, то получается, что если бабёхи решат устроить мне тёмную, то ни один из парней не вступится, боясь посмотреть на меня или вовсе коснуться. Приплыли...

Козёл... Боже, Савин, какой же ты козёл! Я одёрнула пуловер, открывая в широком вороте обнаженное плечо, прошла влажными ладонями по кожаным штанам и грациозно обернулась к едким на язык сучкам:

— Зато на тебе краски столько, что если запнёшься, штукатурка слоями начнёт отваливаться прямо на пол, — моё движение было слишком резким, встревоженная нога вмиг наказала меня за желание выпендриться, поэтому пришлось проглотить резкую вспышку боли, чтобы не показывать потенциальным врагам своей слабости.

Девушки в ответ одарили меня презрением, но это не новость... Новеньких нигде не жалуют, глупо было рассчитывать на дружелюбие в этих стенах.

— Савин – удав? — прошипела я, медленно подкрадываясь к ним. — Я тут книжку по психологии занятную читала. Так вот... Пишут, что фантазии на предмет толстых и продолговатых предметов говорят о неудовлетворенной сексуальной потребности. Ты же Сомова? С Тишковским встречаешься?

Брюнетка побледнела, но яростный румянец то и дело вспыхивал, напоминая, что нужно уходить, пока шок не прошел.

— Если хочешь, я попрошу Савина дать ему парочку уроков... Может, ты тогда не будешь мечтать об удавах? А если не хочешь, то больше не смотри на меня! Отвернись! — рывкнула я, и девушки одновременно отвели глаза к информационному стенду.

Звонко смеясь, я продефилировала к нужной мне аудитории и быстро вошла, лишь бы не ощущать прицел их взглядов, но улыбка и моё зародившееся веселье оборвались в синхрон со скрипом тяжелой двери.

Вдох застыл в гортани обжигающим угольком. Я как вошла, так и остановилась на пороге не совсем пустой аудитории... Пара васильковых глаз смотрела на меня, как самые яркие всполохи молний.

Прислонившись к огромной кафедре из тёмного дерева,

на меня смотрел СА-ВИН...

Глава 7

СА-ВИН!

Я обернулась, пытаюсь найти хоть одну живую душу, но нет... По аудитории скакало эхо щелкнувшего дверного замка.

Савин будто возвышался над кафедрой, так сильно похожей на судейскую трибуну, они словно мерились монументальностью своих габаритов. Красноватое дерево оттеняло тёмный образ этого засранца, покорно служа фоном для буйства цвета за его спиной...

На глянцевої поверхности высилась охапка белоснежных ромашек, контрастирующая со старым, местами рассохшимся деревом. Что? Ромашки? Вдох оборвался... Я так и стояла с расправленными до боли в рёбрах лёгкими, лелея надежду, что все это плод моего перевозбужденного мозга вкупе с богатой фантазией.

Нет, это не букет... Это целая гора цветов, между бутонов которых ёлочными игрушками красовались крошечные снимки... И чем ближе я подходила, тем отчётливее понимала, что это за фотографии, и почему они здесь.

Переиграл...

Он обернул моё же оружие против меня!

Максим стоял в вальяжной позе, скрестив на груди руки, отчего черная обтягивающая водолазка превратилась в ко-

варную предательницу, красиво очерчивающую то, что я пыталась забыть! Его длинные сильные ноги были широко расставлены, он упирался ими в лохмотья многослойного линолеума, словно удерживал эту планету от сумасбродного кружения вокруг своей оси! Титан... Пугающий, коварный и готовый к атаке...

Пялилась на него совершенно бесстыже, не боясь, что он может трактовать этот взгляд не так, как бы мне того хотелось. Врага нужно знать в лицо... Его образ должен быть вырезан на сетчатке моих глаз. Вот этим я и занималась... Собирала в кубышку воспоминаний каждую линию его мускулов, будто бы вылепленных любящей рукой восторженного скульптора.

Я смело вскинула голову и растянула губы в улыбке, а после заставила себя собраться и подойти. Дыхание пришло в норму, легкие сдулись, а по слизистой горла прокатился щекочущий смешок.

Я цыкнула, сбрасывая это ощущение с кончика языка...

Савин не произнёс ни слова, он ждал, пока жертва сама приблизится на расстояние броска. И я покорно шла... Отец всегда учил отвечать за свои поступки, и моя шалость не могла сойти мне с рук. Пришло время расплаты?

— Малышка-а-а-а, — протянул Савин и толкнулся вперед, почти касаясь носом.

Как только он нарушал дистанцию, как только легкие покрывались коркой льда, несущего долбаный запах тархуна,

каждый мой вдох становился вызовом самой себе. Сдамся? Покажу свою реакцию? Или выстою?

— СА-ВИН, — выплюнула я, прижав подушечки пальцев к глянцу поверхности, и двинулась вдоль кафедры, слегка тревожа нежные лепестки ромашек. — Ты подговорил препода сорвать лекцию, чтобы устроить очередной перфоманс? — улыбнулась я, зная, что этого он не увидит. — А чего не при свидетелях? Смелости мало осталось?

Максим даже не стал оборачиваться, понимая, что если сразу не сбежала, то теперь бояться нечего. Когда я оказалась за его спиной на безопасном расстоянии, вскинула глаза, чтобы запомнить этот шикарный вид сзади... Его волосы были ещё влажными, к ним хотелось прижаться пальцами и вобрать толику этого аромата горькой свежести. И неожиданно я сделала резкий шаг назад.

Потянула носом и тихо рыкнула прямо около его уха:

— Обиделся, милый?

— А я предупреждал тебя не открывать ту дверь, — Савин резко повернул голову, и я чуть не вскрикнула от того, как вспыхнули его некогда голубые глаза, теперь напоминающие синее-синее грозовое небо за мгновение до вспышки молнии. — Предупреждал, что тебе играть со мной не понравится?

— Отчего же, СА-ВИН? — снова шепнула я, чуть приближаясь к его уху, чтобы точно так же разрушить в щепки эту гребаную дистанцию безопасности. Снова потянула но-

сом, забирая столько его запаха, сколько могла! — Ты тоже играешь грязно. Не знаешь, почему я стала прокажённой в стенах своего универа? Почему от меня шарахаются парни, а девки готовятся вцепиться в шею?

— В душе... не чаю, — процедил он и класнул зубами, от чего по позвоночнику пробежала капля жидкого огня. Плоть полыхала, самообладание трещало, а эти гребаные ромашки нарушали всё моё внутреннее военное положение!

Я вытянула один цветок и начала отрывать по лепесточку: — Врёт? Играет? Хочет трахнуть? Поспори! Просто придурок? — белые лепестки осыпались, как первый снег, кружа над вышарканным полом. — Поздравляю, Савин, ты простой клинический придурок, не терпящий отказов. Что? Неужели тебя ещё никто и никогда не посылал?

Максим оскалился, и вдруг его взгляд заскользил по шее, а как только коснулся обнаженного в широком вороте свитера плеча, протяжно и со свистом выдохнул. И тут он повторил моё движение, вытянул из белоснежного облака один цветок и, не отводя от меня глаз, начал повторять:

— Врёт? Играет? Хочет внимания? Отправила фото и пожалела через сорок... нет, двадцать секунд? Хочет смеяться, но нужно держать лицо холодной суки, ведь это самое безопасное укрытие? Думает, что так я забуду о двух свиданиях? — последний вопрос он задал мне чуть ли не губы в губы...

Пошевелись я хоть на миллиметр, столкновение было бы

неизбежно. Это как шторм с обратным отсчетом, после которого мир уже не будет прежним!

— Завтра в семь, я заеду, — Савин проскользил носом от щеки до уха, звякнул зубами о мою длинную серёжку, а после поцеловал мочку... — Не беги, Малышка. Я всё равно догоню!

Максим подхватил кожаную куртку и с грацией сытого, но разъяренного льва неспешно двинул к выходу из аудитории.

— Савин, какого чёрта тебе от меня нужно? — прошептала я, смыкая пальцы на переносице. — Ты же прикидываешься идиотом, а сам прекрасно понимаешь, что я этого не хочу! Ни свиданий, ни этих твоих порочных игр... Отстань, а? Эта игра с равнозначной вероятностью проигрыша. А если мы остановимся, то сможем просто игнорировать друг друга хотя бы ради наших друзей. Но если будем и дальше рвать друг друга, то первыми пострадают Лютаев и Маша. Тебе их не жаль?

Накрыла ладонью ворох цветов и нежно сжала, чтобы ещё раз проверить, что они живые, а не пластиковые из магазинчика у кладбища. Но нет... Он и правда где-то нашёл кучу настоящих ромашек!

Максим так и стоял ко мне спиной, лишь слегка повернув голову, но я видела, как напряглась его спина, как он отчаянно сжимает дверную ручку до белёсых костяшек.

«Не соврёт, но и правды всей не скажет...» — пронеслось в моей голове.

— Нет, Малышка... Я буду идиотом лишь в том случае, если приму игровую ничью. Прости, но тут без вариантов. Кто-то должен будет проиграть! — прошептал он, но этот звук был громче майского грома, и его синие глаза вспыхнули молнией, а после мгла отступила, выпуская голубое и спокойное небо из плена душившей его бури.

Он вышел и снова забрал весь кислород... Я сжала горло, впилась пальцами, удерживая себя от визга бессилия.

«Кто-то должен будет проиграть...»

— Чёрт! Чёрт! — лупила я по столу, а цветы подпрыгивали, усиливая мой стыд и злость.

Прав Машка... Это уже не игра, это сражение насмерть. И Савин тоже прав, тут не получится игровой ничьей. Он не позволит...

— О! Чумак, а что, Танчук ещё не пришёл? — в аудиторию вбежали девчонки из моей группы и замерли, осматривая заваленный цветами стол. Они было бросились ко мне, но из груди вырвался какой-то животный рык.

Я обхватила свою добычу, быстро выдергивая из стеблей распечатанные фотографии, сунула их в сумку, а после сгребла ворох ромашек, насколько получилось, и вышла... Никто не накажет меня за единственную прогулянную лекцию.

Я бежала мимо тех сук, что с каменными лицами провожали меня в компании с моим безумием, рассыпая за собой следы собственного поражения. Чёртов придурок...

Савин, какой же ты чертов придурок!

Но как бы я ни пыталась сдерживаться, из груди помимо хрипов рвался какой-то безумный, бесконтрольный хохот. Прижимала ромашки, боясь помять их лепестки...

— Откуда он их взял в октябре? Дьявольский дракон...

На меня смотрел весь универ. Девчонки полыхали от зависти, парни смущенно улыбались. Я еле уложила букет на заднее сиденье своей машины, рванула к дому, а когда припарковалась у своего подъезда и начала забирать цветы, то краем глаз заметила обновлённый баннер рекламного стенда...

«В душ, и без тебя...»— гласила жирная надпись поверх той самой фотографии, которую я самолично слила в интернет. Но здесь, на рекламном щите, голова Савина была обрезана!

Он знал... Он знал, что все окна моей квартиры выходят сюда, а значит... Он станет первым, кого я буду видеть, распахивая шторы каждое утро.

— Дьявольский дракон...

Глава 8

Свидание первое....

— Сдайся, Савин! Прошу тебя, — шептала я, прижимая ладонь к холодному стеклу окна, пока рассматривала полуголый торс на рекламном щите.

Осталось совсем немного... И, возможно, вместе со мной грустила большая половина женской составляющей нашего дома, потому как внезапный ливень обрушился на город, защищая дерзкого жеребчика на баннере. И под плёнкой влаги красивое мужское тело, оставленное для меня вечным напоминанием о приближающейся опасности, словно оживало! Оно переливалось каплями, манило, завладевая всем моим вниманием... Ткань баннера колыхалась, и оно будто пульсировало от возбужденного сердцебиения...

— Сдайся, Савин, — снова прошептала я, поглядывая на часы.

Чем ближе стрелки были к семи часам вечера, тем чернее становились тучи. Природа будто подсказывала мне, что это более подходящее сопровождение к задуманному мной действию.

Но обратного пути уже нет.

Упертость Савина, его какие-то пугающие одержимость и потребность в эпатаже не напугали меня в начале, я думала, что он порезвится и отстанет! Но нет... Он вцепился мне в

глотку, упорно сокращая дистанцию между нами. А всё, чего мне хотелось – чтобы он просто меня не замечал...

И как бы не царапал факт, что он меня не помнит, как бы женское естество не рычало раненым драконом, я смогла смириться, рассчитывая на его благоразумие.

Но где благоразумие и где Савин?

Моё желание держаться от него подальше он воспринял как брошенную перчатку вызова. И чем холоднее были мои приветствия, чем резче становились отказы, тем чаще я видела его наглую морду, ну а гвоздём в крышку моего терпения стал спор с Лютаевым...

Он же меня развёл, как пятиклассницу! Я просто прикрывала Машку, пока она заканчивала статью в журнал, а Лютаев заявил, что если найдёт нас, то я буду должна Савину два гребаных свидания! И он нашёл... Моя помощь подруге обернулась против меня кабалой.

А ведь я изо всех сил пыталась держаться от него подальше!

Он опасный... Я нутром чувствовала, что его внимание – медленный яд. С одной стороны, ты привыкаешь к жалющим эмоциям, а с другой – медленно сходишь с ума, теряя связь с реальностью: бросаешь толпе фанаток его фото, оказываешься персоной нон грата в стенах собственного университета, готова драться с наглыми старшекурсницами, доказывая, что ничем не хуже Дятловой.

— Боже, что я творю? — прошептала я, прижимаясь лбом

к холодному стеклу.

А самое гадкое, что я понимала: этими двумя свиданиями ничего не закончится! Тогда зачем я стою тут? Почему смотрю в окно и жду этого придурка, что своим появлением разрушил привычный уклад моей тихой, мирной и довольно скучной жизни?

Он – мой первый поцелуй, моя первая влюбленность...

Чёрт!

Как больно осознавать, что тот, кто был твоим первым, тебя совершенно не помнит... И об эту боль ломалась моя попытка убедить саму себя, что я не мщу, а просто восстанавливаю глупую и явно порочную справедливость.

— Нет, Танечка... Ты просто хочешь, чтобы он тебя вспомнил и оставил в покое, — шепнула я самой себе, а после прижала пальцы к уголкам рта и заставила улыбнуться.

Внутри меня что-то жалобно скрежетало... И этот звук был похож на поглаживание пенопластом по стеклу. От него хотелось заткнуть уши, закрыть глаза и отменить всё, что я задумала!

И когда стрелки сомкнулись на отметке семи часов вечера, в дверь раздался тихий стук... А значит, уже поздно трусить и прятаться.

— Ну, погнали, Савин, — протянула я и зажмурилась, замедляя пульсацию в венах. — У тебя был шанс и в этот раз забыть обо мне... И об этих идиотских свиданиях!

Подошла к зеркальному полотну шкафа в прихожей, еще

раз осмотрела своё строгое платье глубокого синего цвета, поправила широкие сапоги-трубы, накинула длинное пальто и только после этого распахнула двери, не дожидаясь повторного стука.

— Привет, — хриплый шепот разнесся по всей площадке, ударяясь в соседские квартиры, чтобы и они не пропустили эпичное появление красавчика.

А он и правда был редкостным красавчиком... Есть такой тип мужиков, про которых говорят «подлецу всё к лицу». Вот Савин был именно таким...

Сегодня на нём были серые узкие брюки, кожаные туфли, торс обтянут чёрной водолазкой. Небрежная элегантность, соблазнительная классика, а внутри дракон! Чёрный, опасный, въедливый и смертоносный.

Я вскинула голову, утопая в голубых глазах, что манили обманчивой чистотой весеннего неба.

— Ты обворожительна... Впрочем, как всегда, — шепнул Максим и, не спрашивая разрешения, отпечатал на моей щеке обжигающий поцелуй. Губы сухие, теплые, а касание нежное, почти невесомое. Он будто нарочно держал дистанцию, лишая меня повода передумать!

Максим протянул шикарный букет белоснежных пионов, аромат которых был таким ярким, что тут же вонзился во все рецепторы, замещая уже привычную горькую сладость тархуна.

— Спасибо, — кивнула я и быстро забрала букет, а потом

так же быстро отправила его в заранее приготовленную вазу прямо на консоли у двери, за что получила одобрительный смешок.

— Подготовилась... Чтобы я не вздумал войти в квартиру? — Савин даже не шелохнулся, продолжая подпирать спиной стену.

— Бинго! — выдохнула я, взяла сумку и вышла, закрывая дверь на все замки. — Но вынуждена признать, у меня не было уверенности, что ты заявишься в образе джентльмена. Просто подготовилась ко всем исходам. Итак? Выбор места за мной, всё, как договаривались?

— Конечно, — Максим пожал плечами и наклонился, вызывая лифт.

— Ну, хоть в чем-то ты стабилен, — во двор мы вышли как раз вовремя, рабочие уже вовсю сдирали этот чертов плакат, что с самого утра мозолил мне глаза.

Мне было жаль дяденек... Ведь это именно я заставила их работать под проливным холодным дождём.

Макс достал черный зонт и за мгновение до того, как я вышла из-под козырька, распахнул его над нашими головами, провожая к припаркованному напротив авто. И я яростно зашипела...

Боже, какой засранец!

Ну дай же мне повод! Дай повод!

— Что? Ты ничего не скажешь? — я кивнула на рекламный щит, где остался лишь последний обрывок фотогра-

фии... Черный дракон упорно сопротивлялся насилию со стороны управляющей компании, которую я забросала жалобами о неподобающей рекламе во дворе жилого комплекса.

— Уверен, у меня ещё не раз получится сказать тебе доброе утро не менее экстравагантным способом, — Савин дернул бровью, удерживая зонт так, чтобы ни одна капля не упала на меня, пока я усаживалась в авто, а после он аккуратно закрыл дверь и на ходу захлопнул зонт, игнорируя стихию...

Сквозь мутное от дождя стекло я следила за тем, как он плавно обходит машину, как небрежно забрасывает зонт на пол заднего ряда сидений, а после садится за руль.

— Ну и? — Максим небрежно смахнул влагу с намокших волос, и они легли просто идеально... Дьявольский дракон!

Савин включил печку, направил поток воздуха мне в ноги, лишь мельком скользнув взглядом по моим оголившимся коленкам. Но всего на миг... Однако этого было достаточно. Резкая вспышка ярости долбанула по нервам, а щеки ошпарило румянцем. Но я сдержалась... Прикусила губу и отвела взгляд.

— Куда едем?

— Сиреневый бульвар, — выдохнула я, внимательно следя за его реакцией, только ни один мускул на его лице не дрогнул. — Ресторан «Смоки»...

Максим завёл двигатель, но не тронулся с места, пока я не пристегнула ремень безопасности. Но боюсь, рядом с ним ни одно средство защиты не способно удержать меня от по-

гибели. Это краш-тест... Разгон до ста и препятствие в виде каменной стены.

Я словно уже через это проходила... Уже брела по горящим углям, уже испытывала этот прожигающий восторг, мечту девичьих фантазий, где он – загадочный принц, а я – принцесса, заточенная в тёмной башне страшной колдуньи. В моих иллюзиях он меня каждый раз спасал... Но когда дело дошло до реальности, Савин сбросил меня с каменной стены, а после отправился проживать свою яркую и беззаботную жизнь без влюбленной принцессы.

— А ты непробиваемый, да? — протянула я, демонстративно щелкая фиксатором ремня.

— Ну, смотря чем ты меня пытаешься пробить, — он дёрнул бровью и вырулил на проезжую часть, безошибочно сворачивая в нужном направлении. — Голыми коленками? Обворожительным внешним видом? Сумасшедшей фигурой? Тогда да – сегодня я, как ты выразилась, джентльмен, и никаких пошлых шуточек от меня ты не услышишь.

— Ну, естественно... — выдохнула я и попыталась заставить себя отвернуться к окну и не таращиться на него, но ни один аргумент не работал, поэтому я отыгрывала роль чокнутой дуры до талого. Просто смотрела на него, почти не моргая. — Этого ты уже накушался до отторжения. Верно?

— Вот поэтому я и непробиваемый, — тут Савин усилил температуру печки, а после открыл окно и в машинальном движении закурил. Он держал сигарету у края так, что дым

не попадал в салон, он даже почти не делал затяжек, словно просто держать её в руках — это уже способ успокоиться. — Ты же задаешь вопросы, а ответы на них уже заготовлены. Тебя не интересует моё мнение... Поэтому да, я непробиваемый, а ты и дальше можешь делать вид, что всё про всех знаешь.

— Тогда зачем? — шепнула я, сжав пальцы, когда Савин вдруг свернул не на главный проспект, а решил заехать к ресторану со стороны заднего двора. Он проскользил по парковке быстрым взглядом, а я затаилась, как зверёк, перед тем как шагнуть в пасть льва...

Я саму себя уговаривала не выдать своего плана! Не дышала, чтобы голос не дрожал, не шевелилась, прожигала взглядом его профиль, пытаюсь перетянуть на себя внимание!

— Тогда зачем это свидание? Ты же уже понимаешь, что мне не интересен ни ты сам, ни твои, вынуждена признать, оригинальные подкаты. Максим, просто отстань от меня! Дай отбой в универе, перестань выслеживать меня...

— Рано или поздно человеку надоедает биться головой о стену, и тогда приходит озарение. И я очень рассчитываю, что ты найдёшь в себе силы посмотреть на меня иначе, — шепнул Максим, на миг поджав губы, проехал вдоль внутреннего дворика, а после свернул все же на центральный проспект, где и припарковался всего в двух шагах от входа в ресторан «Смоки». — И я не хочу пропустить момент, когда

тебе надоест биться...

— А если не надоест? — перебила я его, отвлекая внимание и даже чуть задрала платье, снова сверкнув коленками.

— Надоест, Малышка. Всем надоедает... Но если это затянется, то противостоять твоему напору ненависти очень даже забавно. И давай сразу проясним? Я от тебя не отстану.

— Звучит как угроза...

Максим вдруг улыбнулся, да так широко, что мои коленки затряслись, заблаговременно отказывая мне в возможности передвигаться самостоятельно.

Однако это даже не пришлось проверять на практике... Максим шустро выскочил из машины, и пока я сражалась с ремнем безопасности, он галантно распахнул пассажирскую дверь и протянул мне руку.

Но застежка то ли заела, то ли я просто была не в состоянии вжать этот дурацкий рычажок, поэтому Максиму пришлось выручать меня...

Он нагнулся, заполняя своей мощью всё свободное пространство салона. Я вжалась в кресло, попыталась отдернуть пальцы, но было слишком поздно. По коже пробежали мокрые ожоги, пальцы свело, дыхание остановилось.

Я рассматривала красивый профиль, пытаюсь запомнить его до малейшей черточки. И тут вспомнились слова мамы: *«Если мужчина на свидание пришёл гладко выбритым, то он рассчитывает на поцелуй... Поверь, Танюш, нет ничего противнее, чем целоваться с бородачом!»*.

Но Савин... Савин был, как всегда, небрит, однако даже его щетина выглядела идеально. Ровная, чуть поблескивающая, на колючих кончиках кое-где ещё сохранились капли дождя. А ещё от него так приятно пахло, и даже едкий запах табака лишь усиливал эту колдовскую сладость трав.

— Идём, — он справился с ремнем и снова протянул мне руку, помогая выйти.

Ноги почти не слушались, но идти тут, и правда, было всего два шага. Савин распахнул тяжелые двери ресторана, а через мгновение к нам кинулся управляющий, слепя широкой улыбкой и жадой выслужиться.

— Максим Евгеньевич? — начал было мужчина, а после щелкнул пальцами, и из гардероба выскочил молодой паренек, забирая нашу верхнюю одежду. — Отчего же вы нас не предупредили? Сейчас мы найдём для вас самый лучший столик!

— Я чего-то не понимаю, — шепнула я, растерянно смотря на Савина.

— Я сам плохо понимаю, — он дернул плечами, а после уложил руку мне на рёбра, чтобы я не взбрыкнула от флигельного жеста, и подтолкнул в зал ресторана.

Управляющий семенил вдоль длинной барной стойки, указывая нам путь, а я стиснула зубы, пытаюсь сообразить, насколько сильно это отступление повлияет на мой план. Но... Удача и тут была на моей стороне. Нас подвели к приватной зоне, а как только мы сели на мягкий полукруглый

диван, огибающий небольшой столик, плотная занавесь отсекла эту зону от общего зала, стерев все-все звуки...

— Пожалуйста, — управляющий лично разложил меню и выставил в центр винную карту, согнувшись чуть ли ни в пояс перед Савиным, а тот лишь недовольно рыкнул, не поднимая глаз. — Я рекомендую вам блюдо от шефа... Сегодня наш гений как раз презентовал новое меню, и оно воистину восхитительно!

— Спасибо, — Макс резко кивнул головой, отчего назойливый управляющий исчез, оставив небольшую щель в занавесе, чтобы увидеть, когда мы будем готовы сделать заказ.

Я улыбнулась, обратив внимание, что мне принесли специальное меню для дам... Оно было идентично основному, за исключением отсутствующей колонки с ценами. Джентльмен, блин!

Савин бегло пробежал по строчкам, а после откинулся на спинку дивана, вонзив в меня клинки потемневшего взгляда...

Чёрт... Что случилось? Его глаза ещё мгновение назад были прозрачными!

Где я прокололась?

— Приятно быть местной звездой? — не удержалась, указывая на дрожащего официанта, застывшего прямо за шторкой. — Все лебезят, кланяются...

— Ну, вот опять... Ты задаешь вопрос, и сама на него отвечаешь. Вообще, эта игра мне нравится. Не нужно при-

лагать усилия, чтобы продумывать ответы. Продолжай, Малышка, облегчай мне жизнь, — Максим дернул плечом, но это уже было не то машинальное движение, он накрыл дельтовидную мышцу, стиснул её, чуть прокатив, словно пытаюсь снять болезненный спазм. Но при этом действие было произвольным, выдающим хроническую боль в той зоне.

— Ну и на это ты пошёл сам, — я улыбнулась и посмотрела на официанта, что возник перед столиком, готовый записывать наш заказ. — Но ты можешь отказаться... Давай разойдёмся? Ты забудешь обо мне, а я о тебе. Никаких СМС, вторжений на лекции, никаких угроз моим однокурсникам.

— Не дождёшься, — прошипел Савин, игнорируя побледневшего официанта.

— И чай. Зеленый, с мятой, — подытожила я, резко хлопнув меню, будто ставила точку в последней попытке призвать его к благоразумию. — Если можно, то сразу...

— Готовишься к побегу? — вдруг вскинул бровь Максим, но при этом лицо его было пугающе серьёзным.

— А рядом с тобой мне все время хочется бежать.

— А мне догонять, — он тоже отдал меню и раскинул руки на спинку дивана, подобно крыльям орлана при пересечении глубокого ущелья.

— И что мы с этим будем делать?

— Я долго курил, — вдруг начал Савин, но его лицо по-прежнему не выдавало ни единой эмоции... И это безумно бесило!

Лучше бы он и сейчас был тем самым клоуном, от шуток которого хотелось съёжиться или надавать ему по морде. Но нет... Сейчас он был совершенно другим, словно на это свидание пришёл не он, а его черный дракон.

Боже! Я закрыла глаза, пытаюсь прийти в себя... Я точно хочу этого? Но ведь я убеждала себя, что это не месть, не сдача... Это попытка отделаться от его внимания! Настолько самовлюблённый придурок никогда не стерпит подобной пощёчины. Ведь так?

— Курение — враг любого спортсмена, и тренеры долго боролись со мной. Водили к психологу, кодировали, гипноз, бабка-травница с её вонючими настойками. Но потом плюнули, потому что мой характер совершенно нестигаемый. Я никогда ничего не делаю, отталкиваясь от наставлений или желаний других людей, если они идут вразрез с моими...

— Боже! Как мне это знакомо, — закатила я глаза. — Не поэтому ли я сижу в этом ресторане? Не поэтому ли жалю тебя едкими шуточками? Не потому ли, что мои желания идут вразрез с твоими? Это свидание под дулом пистолета... Неужели ты этого не понимаешь?

Но даже эти слова никак не пробили его броню!

Савин дал мне высказаться, но реакции не выдал, а потом продолжил:

— Но мозгом я понимал, что эта привычка губит меня... И я научился жить с ней. Обманул самого себя. — И тут он улыбнулся... На его каменном напряженном лице разлился

какой-то милый и трогательный свет, всего на миг явив знакомого мне весельчака Савина.

— Ты просто мусолишь сигарету в пальцах? — я вскинула бровь, повторяя его манеру. — Это и есть твой обман?

— Это называется смирением и умением работать с предлагаемыми обстоятельствами. Со всем можно побороться, разобраться, если на то есть желание.

— Звучит философски, — кивнула я. — Но мимо, Савин... Ты пойми одно, я не цену себе набиваю, я чётко выражаю свою позицию. Я и моё сопротивление — не тяга к никотину, его не нужно терпеть, перебарывать или игнорировать. Просто услышь меня и сделай верные выводы. Отстань от меня! Ты не в моём вкусе, в городе так много других девушек, которые примут твоё внимание за благо. Переключись на них! Для чего тебе я?

— Порочный круг, — прошептал Савин, кружа пальцем по кромке бокала с водой. — Ты убегаешь, я догоняю...

— Вот! Неужели ты это понял? И кто-то из нас должен остановиться... Я не хочу бегать, а тебе рано или поздно надоест догонять.

— А если не надоест? — передразнил он меня.

И его взгляд снова стал чернее тучи, красивые брови съехались к переносице, а всё, чего мне хотелось — заорать и вlepить ему пощечину, чтобы уже вытрясти того самого клоуна, от которого у меня красные пятна аллергической реакции.

Пусть выпустит уже этого придурка, готового на всё, лишь

бы обратить моё внимание на себя... Так его проще ненавидеть! И сопротивляться тоже проще тому вечно веселому и улыбочивому парню, чем вот этому темному и задумчивому дракону.

А ещё мне даже думать не хотелось, что Маша права. И эти его личины – всего лишь стороны одной медали. Они живут в одном человеке в равных пропорциях. Но это невозможно...

— Пожалуйста, — официант разрушил затянувшееся молчание, когда принес изящный чайник, чашку из тончайшего фарфора. — Шеф передаёт, что ваш заказ будет готов через пять минут.

— Спасибо, — кивнул Максим, не сводя с меня глаз, а после перехватил чайник и сам наполнил чашку, взглядом посылая услужливого официанта, словно и этого он не мог доверить другому человеку.

Я не стала спорить и покорно сделала глоток, на миг зажмурив глаза. Это было чудесно... Мало в каком ресторане можно найти настолько вкусный чай с мятой, а я его просто обожала. Я знала все сорта, знала, какой мне нравится, а от какого начинается изжога. Но когда я открыла глаза, поняла, что допустила ошибку... Безмолвно выдала один из своих секретов, а Максим уже быстро кивал, будто укладывая в копилку новый факт обо мне!

Я сжалась... Каждая моя мышца стянулась тугим узлом до ломоты, до скрипа костей и уколов совести. Но у меня тоже

спортивный характер... Я никогда не отхожу от намеченного плана.

— А здесь мило, — выдохнула я, проходясь влажными ладонями по ногам. Капрон тонких чулок скрипнул, прилипая к коже, и начал тянуться.

— Наверное, — Савин медленно наклонял голову то в одну сторону, то в другую, словно уже понимал, что произойдёт дальше.

Его взгляд был острее лезвия, он полосовал, сдирая броню, проникал внутрь и видел меня настоящую.

Боже, что за трагедию я развела? Откуда эта жалость? Откуда стыд? Он что, умрёт? Нет! Он — хоккеист, он — орудие по убийству соперников! Переживёт! Главное — пусть оставит меня в покое!

Внутри меня все сжималось... Чем ближе он подбирался, тем отчаяннее вопил мозг, требуя бежать... Бежать быстрее, дальше, вырываясь из отравленной мужским очарованием зоны. Сердце отстукивало тревожный ритм, коленки тряслись, да я уже исполосовала свою ладонь острыми ногтями. Но боль перестала помогать... Савин поглощал меня, заставлял принять неизбежное, приглушал потребность сопротивляться.

Соберись, тряпка!

— Я припудрю носик... — поднялась, перехватывая ремешок сумки, и вынырнула из приватной зоны, ощущая холод на затылке.

Однако не этого я ждала... Ждала сопротивления, взгляда, приклеенного к моей спине. Но сейчас... Сейчас я поняла, что Савин даже не смотрел мне вслед! Он будто... Он будто определенно точно знал, чем закончится этот вечер. Стоп... Он дал себя обыграть? А значит, вспомнил? Он позволил сравнять счет? Но для чего?

Я не замечала людей, персонал, не видела помещение... Просто быстро перебирала ногами, смотря только на тяжелые двери, за которыми была моя свобода. И лишь когда я выпорхнула на улицу, смогла сделать всего один вдох! Ровно столько мне нужно было, чтобы не сдохнуть, пока оббегала здание ресторана, на задворках которого стояла моя машина, отогнанная ещё днём... Максим проехал мимо и не заметил мою яркую малышку.

Но ничего... Будет ему уроком. Кто с силой придёт, тот об силу и обожжётся. Пусть теперь сидит там один! Хотел принудительное свидание? Пусть получает!

Принуждение работает в две стороны. Я вынуждена терпеть его свидания, а он теперь вынужден меня вспомнить!

Глава 9

Савин

— Максим Евгеньевич, — растерянно заблеял управляющий, войдя в приват.

— Исчезни... — прошептал я и достал сигарету, поднося её к носу, чтобы втянуть кислый отравляющий запах.

И приват закрылся, а над головой зажужжала вытяжка, предусмотрительно включенная для меня.

Вспышка зажигалки, и тонкий сизый дымок потянулся вверх, танцуя передо мной резными кружевами.

Минуты тянулись бесконечной оттяжкой резинки, что рано или поздно саданёт по коже, оставляя ожог. Истлевала одна сигарета, я поджигал другую, лишь на мгновение прогоняя дым по кончику языка. Покорно получал наказание, хотя не понимал, за что и почему... Эта моя обреченность казалась мне удавкой на собственной шее, в которую я вошёл совершенно добровольно.

В голове было пусто. Ни единой мысли, ни единой эмоции, лишь биение стрелки часов. Она будто поставила меня на горох, а я покорно терпел, отсчитывая секунды до окончания наказания. Но ведь она не вернётся... Тогда какого черта я тут сижу?

Рисую её образ по воспоминаниям? Это синее платье, водопад шоколадных волос, густые ресницы, подчеркиваю-

щие глубину глаз, соблазнительные губы, небольшое родимое пятнышко за ухом. Я снова и снова копался в воспоминаниях, как гребаный придурок! Я что-то упустил... Чувствую, что что-то упустил!

А может, Таня права?

Этот порочный круг нужно разорвать? Сколько раз я себе говорил об этом? Но стоило Тане появиться на моём пути, так башню рвало со скоростью света...

Я посмотрел на дымок, улетающий под потолок, и сдался... Как бы сильно я ни пытался вытравить эту дрянную занозу из своей головы, ни черта не получается!

— Она в Ледовом, — вдруг грохнул Лютаев, падая на диван, где ещё сорок минут назад сидела Таня...

Опустил взгляд на часы, словно сверял время.

— Знаю, — шепнул я в ответ другу, почти не смотря ему в глаза, а после сорвался... Прижал фильтр к губам и сделал затяжку, позволяя дыму стереть аромат её кожи, который я все это время заботливо оберегал на своих пальцах. Всё стёр...

— А если знал, то какого хрена я следил за ней? Савин, ты мазохист, что ли? — Илья нагнулся над столом и отхлебнул уже остывший чай из кружки Тани. — Какого черта происходит? Ты как узнал, что она сбежит со свидания?

— Интуиция... Ну и твоя Мышка, что с самого утра смотрела на меня таким жалостным взглядом, словно просила прощения за все грехи этого мира. Да и когда мы подъезжа-

ли, что-то толкнуло меня прокатиться через задворки, там я и заметил малолитражку Чумак. Она заранее готовила побег, — я усмехнулся и посмотрел в полыхающие прозрачные глаза друга. — Не злись на Машу. Они подружки... Брат, я бы для тебя сделал всё то же самое.

— Что? Заманил в ресторан и бросил, чтобы все смеялись и оборачивались? Не в этом ли она тебе обвиняла? Но в итоге поступила так же? Оригинальная месть, — он недоумевающе осмотрелся, а после встал и плотно задернул штору. — И выброси ты эту дрянь!

Лютаев затушил сигарету и забрал лежащую на столе пачку.

— Не знаю, что ты тут видишь весёлого, но стать посмешищем перед подчинёнными своего отца — такое себе, Савин, — Илья толкнул меня в плечо. — Ты вообще меня слышишь? Надеюсь, на этом всё? Хватило тебе одного свидания? Эта девчонка готова на всё, чтобы тебя в её жизни не было. Успокойся!

— Таня, Танечка, Танюшааа... — протянул я, смыкая на груди руки. — Она проиграла картинку прошлого, желая наказать, но всего лишь выдала мне последнюю подсказку.

— Савин, если ты сейчас не расскажешь мне всё, я клянусь, что морду тебе разобью!

— Лютаев, — я рассмеялся и наклонился вперед. — Ты знаешь, а я долго гадал, почему именно Мышка? Чёрт, мужик, у тебя было столько баб... Рыжие, белые, черные, си-

сястые, жопастые... Все масти, все статусы... А тут вдруг Мышка! Нет, она зачётная, но другая... что ли.

— И что? — он прищурился и с интересом наклонил голову.

— А вы с ней разные. Ты — холодный кусок гребаной скалы! Холодный, безэмоциональный, а внутри вулкан кипит, тлеет, готовясь извергнуться на первого попавшегося бедолагу, кто проковыряет хоть одну дырочку в броне. А она — она воздушное суфле со вкусом пломбира. Её нежности тебе хватит до скончания века. И когда я это понял, то принял её, как родную, потому что именно этого тебе не хватало, ведь ты — сын своего отца.

— Что это значит? — прищурился Лютаев, но по виду было ясно, что он все прекрасно понял.

— А то, что вы с ним как с одного образца отлиты, как говорит мой отец. Ну и лекарство от этой вечной мерзлоты в вашем сердце лишь одно — мягкость и нежность, а этого в Мышке хватит на всю планету.

— Савин, я примчался не для того, чтобы слушать подтверждение правильности моего выбора. Мышка... Она просто моя, — вдруг выдохнул Илья и закрыл глаза.

Он просто не выносил, когда я был с ним серьезным, потому что чувствовал неминуемое приближение беды.

— Но вот какого черта ты вцепился в Татьяну? Я в жизни не поверю, что ты её просто забыл. А ещё не поверю, что ты позволил ей вот так позорно тебя кинуть в ресторане,

не имея запасного плана! Это не девушка... Это твоя персональная ЧУМА!

— Чума, — хохотнул я и откинулся на спинку дивана. — И правда. А ты заметил, что она хромает?

— Да, — кивнул Илья. — Мне сказала, что неудачно пробежала...

— А ты знал, что после наших тренировок она ждёт, когда все команды уйдут, и выходит на лёд?

— Что, шайбы колотит в твою наглую морду, прикреплённую к сети ворот? — усмехнулся друг, пытаюсь скрыть удивление.

— Нет, — я толкнул по столу телефон, на котором уже почти неделю крутилось одно и то же короткое видео, что я успел украдкой снять.

— Бля... Она что, фигуристка? — крикнул Лютаев и зажмурился в моменте, где Таня взлетает в воздух, пытаюсь прокрутить элемент, который мышцы ещё помнили, но тело отказывалось повторять... Её нога подгибается, и Таня падает на лёд, содрогая трибуны истошным криком, от которого кровь в жилах стынет.

— Пролитай дальше, — сказал я и перехватил пачку сигарет, снова прикурив, но Илья даже не стал сопротивляться, потому что следующее найденное мной видео было ещё более шокирующим.

Я закрыл глаза, вбирая звук аплодисментов, льющих из динамика, а после сухой и натренированный голос диктора,

расставляющего паузы в отработанной манере:

*«Дорогие зрители! Следующая участница в женских оди-
ночных катаниях. На ледовой арене — Татьяна Чумак. Ко-
роткая программа...»*

Я помнил наизусть каждое грёбаное слово, помнил и на-
звание композиции, под которую она выступала, и список ре-
галий молодой спортсменки, впервые вышедшей бороться на
чемпионат России. Но чего я не помнил... Не помнил, чтобы
мы когда-либо встречались.

— Листни дальше, — сухо добавил я, и через мгновение
Лютаев выдал свистящий протяжный выдох, а я начал на па-
мять повторять статью из спортивной газеты трёхлетней дав-
ности:

*«Мечта оборвалась на льду: юниорка Татьяна Чумак за-
вершила карьеру после рокового падения. Случившееся ста-
ло настоящей трагедией для российского фигурного ката-
ния. На чемпионате России подающая большие надежды
Татьяна Чумак получила тяжелейшую травму лодыжки
после неудачного приземления с рискованного каскада. По
предварительным оценкам врачей спортсменка не сможет
восстановиться для продолжения карьеры на профессио-
нальном уровне. Для 16-летней фигуристки этот старт
мог стать трамплином в большой спорт, но обернулся дра-
мой».*

— Гребаный ты придурок! — Лютаев не выдержал и ки-
нул в меня салфеткой. — Ты когда это узнал? Почему не

сказал?

— А что бы мы сделали? Отмотали время вспять? Растопили на арене лёд, чтобы она снова и снова не выходила туда, чтобы пережить персональный крах своей карьеры? Всё что я могу сделать — терпеть её сопротивление! Я могу понимать, за что она меня ненавидит, как спортсмена, — я тяжело вздохнул, с ужасом проживая то, что пришлось перенести Тане. — Но её ненависть... Тут что-то другое. Понимаешь? И при чем тут этот долбанный ресторан?

— Стоп, — Илья затих и нахмурился. И я знал это выражение... Он что-то пытается вспомнить. — Савин, а ты помнишь сборы? Ну, мы тогда ещё были кандидатами в «Дьяволы». Торчали в «дубле» и постоянно таскались по этим дебильным сборам, где на нас тарасились тренеры?

— Да их столько было, — я закатил глаза, но тоже начал ворошить библиотеку воспоминаний.

— Ну вот! — Лютаев достал из кармана свой телефон и сунул мне под нос старую фотографию, где мы стоим у старого серого здания спортивной базы. — Вспоминай! Там были и лыжницы, и биатлонистки... и наверняка фигуристки!

— Возможно, — кивнул я и поднялся. — Скинь мне фото, вечером подумаю, а сейчас мне пора.

— Ты куда? — Илья перехватил мою руку и дернул на себя. — Твою мать! Савин, это что... Это что вина в твоих глазах? Макс...

— Да не помню я! Чувствую, что что-то упустил... Но не

помню!

— Что ты задумал?

— Как что? Буду очаровывать свою Чуму, чтобы она не отравила меня... Жить-то, сука, хочется!

Я гнал к Ледовому, не замечая ни светофоров, ни других участников дорожного движения. Залетел в раздевалку и быстро переоделся в спортивный костюм для занятий на открытом воздухе, на ходу затягивая коньки.

Аккуратно ступая по твёрдому прорезиненному покрытию, я подошёл к ограждению, вслушиваясь в скрип её коньков по льду.

Что меня удерживает возле этой девчонки? Её боль... Точно так же, как я научился жить с сигаретой, она научилась жить со своей болью. Она улыбается, смеется, а внутри прям огонь полыхает! И я тянусь к этой боли... Сам обжигаюсь, а все равно плетусь, как придурок хренов!

Я прислонился к стене, заняв своё привычное место, откуда не раз наблюдал за Таней. Я не пропускал ни одной её тренировки. Она снова и снова прокатывала программу, на которой её карьера рухнула три года назад...

И первая часть повергала меня в шок, трепет, внутри все сжималось от грации, от её широченной улыбки, но стоило воображаемой музыке дойти до быстрой дроби, как Чумак оступалась и падала... В одном и том же месте! Раз за разом! И по трибунам пролетал этот душераздирающий крик, дробящий застывшее от тревоги сердце на миллион осколков.

Дождавшись нужного момента, аккуратно и бесшумно выкатился на лёд, оставаясь в тени. Двигался вдоль борта, отсчитывая секунды, и когда Таня вскинула ногу, чтобы закружить себя, я оттолкнулся от борта и рванул к ней, буквально ловя её на лету, чтобы хотя бы сегодня не позволить упасть...

В мою ладонь легла её длинная, трясущаяся ножка. Я крепко обхватил её, прижимая спиной к своей груди, и слух содрогнулся от протяжного болезненного стога.

— СА-ВИН... — протянула Таня и откинула голову мне на грудь.

— Расслабься, я всё сделаю сам, — шепнул я, медленно опуская ногу, чтобы крепко обнять её.

И мы просто покатались... Я брал вираж, то ныряя в темноту, в которой позволял себе прижаться губами к её длинной шее, то выкатывался под одинокий дежурный софит, чтобы увидеть её смущенную улыбку. И это было круче, чем соблазн заставить ее извиниться за то, что сбежала!

Я обнимал её за талию, не позволяя упасть. И ускорялся... Всё сильнее и сильнее, мы летали, как ядра пушки, её тонкая юбочка колыхалась, била меня по ногам, а я не мог остановиться!

В какой-то момент Таня задрала руки вверх, отдаваясь свободе разрезаемых нами воздушных потоков.

Сегодня я её спас, но завтра она снова выйдет на лёд, чтобы утонуть в том страшном падении.

Слух вибрировал от свиста наших коньков. Я прижимал руку к её шее, собирая всхлипы и стоны... Все забирал до тех пор, пока встревоженное сердце не уgomонилось.

— Уходи... Пожалуйста, — шепнула Таня, робко опираясь на слабую травмированную ногу, и всё, что мне оставалось — отпустить руки...

Глава 10

Таня

На кухне стоял приятный дымок от шкворчащей к борщу заправки, а тишину разбавлял лишь быстрый стук ножа по разделочной доске.

— Мельче шинкуй. Мы солим капусту, а не крутим голубцы!

Тонкий голосок Маши треснул, выпуская знакомые командные нотки, которыми она стала виртуозно управлять, копирую манеру общения Лютаева.

А это было забавно... Мышка так стремительно менялась, что даже страшно становилось. В ней всё отчетливее пульсировала уверенность, а голос обретал силу. И должна признаться, эти перемены ей очень шли.

— У меня руки не двигаются, — застонала я, заметив, как дрожат мои пальцы. — Если бы не ты, я бы и сегодня разгружала корм одна.

— Тань, ты почему раньше не сказала, что работаешь в благотворительном фонде? — Маша отняла у меня нож и начала кромсать капусту с пугающей скоростью. — И как я раньше не замечала? По четвергам развозишь корм в приюты для животных, по субботам в детском доме, в понедельник...

— Всё, Маш, хватит, — я улыбнулась и остановила по-

другу. — Я просто верю, что этот мир может спасти только добро. Если каждый будет делать хорошее дело хотя бы раз в месяц, то мы очень скоро удивимся, как сильно изменится общество.

— Тань, ты иногда меня пугаешь, — Маша махнула ножом и повернулась ко мне. — У тебя огромное доброе сердце, но ты так старательно его прячешь... Будто... — Маша прикрыла веки, словно уже знала ответ на свой вопрос, а потому не стала продолжать и вновь вернулась к шинковке капусты.

Я всё никак не могла понять, что именно она знает... Про побег из ресторана не считается, ведь самолично помогала мне. Но она совершенно точно ничего не знала, что Савин нашёл меня на арене...

Максим выскочил на меня из крошечной темноты! Как зверь, как реальный дракон, охотящийся на прекрасных дев. Его движения были настолько пластичными, быстрыми и бесшумными, что казалось — он парит в воздухе, совершенно не касаясь льда лезвиями коньков. Никаких лишних движений, лишь парение... Полнейшее.

Я должна была испугаться, когда чьи-то руки поймали меня прямо во время того гребаного прыжка, что уже два года приносит моему телу максимальное страдание. Я зависла в воздухе, ощущая полную безопасность! Его руки стальными цепями обвивали моё тело, контролируя каждое движение! Он управлял мной, следил за наклоном, за скоростью, брал

на себя дрожь, неуверенность, страх, от которого сковывает всё тело!

Ему не нужен был мой взгляд, не нужны слова! Он стал моей тенью, заботливо удерживающей в руках хрупкое и поломанное тело, что когда-то творило чудеса...

— Тань, ты чего? — Маша тихонько потрепала меня по плечу, когда я зависла в своих мыслях.

И тут мне стало так стыдно... С одной стороны, мне хотелось всё-всё ей рассказать, но другая моя личина вопила: *«Мы договорились обо всём забыть и никогда не вспоминать!»* И обе мои части были правы... Но как выбрать?

Гребаный Савин... Он появился, когда я уже достигла внутреннего дзена. Я заставила себя переступить прошлое и двигаться вперед, забыв о том, что меня сломали за шаг до череды чемпионатов... Если бы я всё преодолела, то я бы поехала на Олимпиаду! Я! И я смирилась! Я заставила себя жить дальше, развеяв обиду по ветру... Ведь прошлого уже не вернуть? Жизнь спортсмена слишком короткая, и этому учат ещё с малолетства, поэтому они такие резкие. Нужно брать всё и сразу, пока ещё держишься на олимпе успеха.

— Прости, Маш, — я оттолкнулась и упала в кресло, откинув голову на спинку, мимолетно махнув взглядом по окну, за которым под пронизывающим ветром стоял пустой рекламный щит. — Я слишком устала, чтобы готовить...

— Всё хорошо, тут чуть-чуть осталось, я сама закончу, — Маша кивнула и сама продолжила шинковать капусту, даже

не бросая в меня любопытные взгляды. — Итак? Ты выбрала, что мы будем смотреть?

— Стоп, — встрепелась я и подскочила к подруге, не скрывая щемящего восторга от одной лишь догадки, что поселилась в моей душе. — Я не поняла... Ты что, с ночёвкой остаёшься? Твой благоверный, твой мавр... Он что, привёз тебя с ночевкой?

Я обернулась. И действительно, у порога стояла небольшая сумка, и волна радости накрыла меня с головой. Лютаев ещё месяц назад собрал сумку Мышки, пока та была в университете:

— Лютаев! Ты не имеешь права трогать её вещи! — я куталась в тёплый халат, еще не в силах проснуться, а по моей квартире уже расхаживал утренний гость.

— Машин дом теперь там, где я, а мой — там, где она...

Лютаев расправил плечи, наполнил грудь воздухом и замер в шаге от меня. Я упиралась руками в стены коридора, не пуская Илью в спальню Мышки... Не её вещи меня останавливали, а едкий страх остаться в квартире одной.

— И если ты не хочешь, чтобы в твоей милой девчачьей квартире поселился шумный и не всегда аккуратный хоккеист, если ты не хочешь слышать то, как сильно я люблю твою подругу по ночам...

— Всё! — взвизгнула я и зажала ладонями уши, лишь бы не слышать подробности их явно бурной интимной жизни. — Делай, что хочешь!

— Вот так-то лучше, — Лютаев поиграл бровью и аккуратно протиснулся мимо меня в спальню, где некогда жила Маша.

— Да, с ночёвкой, — кивнула Маша и улыбнулась мне. — Ты же просила хоть раз в неделю оставаться у тебя? Вот, выполняю... Сегодня суббота, а значит, мы можем не спать до утра и болтать под какой-нибудь старенький фильм. А завтра можем побродить по торговому центру, я как раз получила первую зарплату.

— Вот это да... — протянула я. — А что случилось? С чего такая щедрость? Признаться, я уверена, что после моей шутки твой Лютаев должен сильно недолюбливать меня.

— Таня, да Лютаев так хохотал, это надо было слышать! Но мне, правда, немного по заднице прилетело за то, что не сдала твоих планов, — Маша покраснела, намекая, что дальнейшего мне знать не стоит. И правда...

— Да там и Савин сам справился, — я подошла к окну, снова осматривая пустой рекламный щит. — Маш, он так смотрел на меня... словно уже заранее знал, что сбегу. Я переборщила? Ну, просто он реально меня достал! Савин в мою тень превратился, следует по пятам, заглядывает в аудиторию посреди лекции. Ты не представляешь, какой ад начался в универе! Мы сегодня на английском разбивались на пары, так со мной ни одна девчонка не встала, а парень, которого назначил препод, чуть коньки от страха не откинул. Я провалила зачёт из-за его оцепенения!

Маша трамбовала капусту в трёхлитровую банку и заливалась смехом.

— Я, правда, думала, что он отстанет... И моя жизнь правильной и послушной отличницы вернётся в свою колею, — тяжело вздохнула я.

— Но?

— Но теперь будто чего-то не хватает. Да и совесть так и грызёт меня!

— Раз грызёт, значит, есть. А вообще, Тань, я считаю, что Савин хорошо устроился... Когда ему выгодно — он клоун, и его чувство юмора безгранично острое, порой даже жестокое. Но когда на нём оттачивает мастерство подколов кто-то другой, то ему должно быть стыдно? Нет, Тань, ты просто достойный противник, — Маша помыла руки, вытерла их полотенцем и подошла ко мне со спины, крепко обняв. — Но это не значит, что у меня нет тысячи и одного вопроса.

— Знаю, Мань... знаю, — кивнула я. — Я обязательно тебе всё расскажу, но не сейчас. Хорошо?

— Конечно, Малышка, — Маша передразнила напор, с которым Савин произносил это ужасающее прозвище, и я закатила глаза, потому что получилось слишком похоже.

— Так что там с твоим мавром? Какого чёрта он тебя отпустил ко мне? Не боится, что найдет нас наутро в каком-нибудь злачном месте? — я поиграла бровью, но тут же остановилась, осознав, что копирую мимику Савина.

— Не боится, потому что знает, что я никуда не пойду,

а ты меня никуда не потащишь. А вообще, он и сам сейчас не дома...

— А где? — я развернулась и прищурилась, осматривая встревоженную Машу. Чёрт... И как я этого не заметила раньше? — Куда ты отпустила Лютаева? Признавайся!

— У них там какой-то мальчишник, — Маша пожала плечами, но я-то видела, что её тоже терзает тревога. Она то и дело поглядывала на телефон, а при каждой вибрации срывалась проверять, не Илья ли это.

— Какой такой мальчишник, и без нас?

— Таня, я тебя прошу, не усложняй! Обычный мальчишник... А где — я не знаю, — она пожала плечами и закусила губу. — Правда, Илья утром с кем-то говорил по телефону и мельком упомянул клуб.

— Какой клуб? — шепнула я, уловив нужную ниточку, за которую стоило потянуть. — Только не говори, что отпустила его в стриптиз!

— Бойцовский, — выдохнула Маша, и что-то мне подсказывало, что это было ничуть не лучше. Я вспомнила и полупрозрачный купол здания, и октагон за крепкой клеткой...

— Они что, пошли на мальчишник в бойцовский клуб? В это гнездо греха и первобытных эмоций? И без тебя? — я округлила глаза, ощущая, как затрепыхалось сердечко, а потом обежала гостиную, машинально проводя пальцами по корешкам любимых книг в высоких стеллажах.

— После слова «грех» я больше тебя не слушала, — Маша

зарделась румянцем и снова бросила взгляд на телефон.

— Ну и правильно! Не слушай меня, потому что я злая, неудовлетворённая и обиженная на саму себя идиотка, — я упала на диван и включила телевизор, но тут ко мне подошла Маша.

— Я много раз была в клубах, но лишь потому, что с первого курса работала официанткой. Но чтобы как все... Пить красивые коктейли, танцевать... Такого у меня ещё никогда не было, — Маша так трогательно улыбнулась, и её карамельные глаза сверкнули какой-то молнией. — А ты?

— Неа, — крикнула я и начала листать ленту фильмов, пытаюсь выбрать, что именно мы будем смотреть. — Я с пяти лет на коньках. Матушка грезилась воспитать олимпийскую чемпионку, поэтому моё детство закончилось раньше, чем желание играть в куклы. Подъём в четыре, тренировка, потом школа. А вот отец мечтал, что я пойду по его стопам и стану всемирно известной журналисткой. А это значило лишь одно... Никто не собирался снижать планку требований к моей успеваемости. Даже за четвёрку меня наказывали и запирали от меня библиотеку. Папа признавал лишь пятёрки, и к девятому классу эта миссия все больше покрывалась грифом «невыполнимо». Я разрывалась между соревнованиями и учёбой... Порой мне казалось, что я лопну от груза ответственности под гнётом завышенного ожидания моих родителей, ведь я единственный ребенок. Ну почему родители не хотят облегчить нашу участь? Почему им всегда хочется

кардинально разного?

— Родителей сложно понять, — вздохнула Маша и машинально начала сворачивать полотенце, ровняя его с педантичной точностью. — Значит, ты такая же?

— Ага, — легко кивнула я, даже не пытаюсь понять, что именно имела в виду Маша. Сломленная? Злая? Одинокая? Тогда да... Пусть моя семья из другого сословия, но суть всё та же. Однако этого я говорить не стала, поэтому пришлось менять тему, пока мы не погрузились в воспоминания детства.

— И если бы не сборы, на которые меня родители отпускали, скрепя сердце, то я бы не получила обязательный опыт в части беспорядочных поцелуев и малолетнего флирта, — хоть я и попыталась посмеяться, но Маша цапнула по мне внимательным взглядом, явно рассчитывая на продолжение откровения. — Да, Маша... Я поцеловалась, лишь вырвавшись из-под родительской опеки, когда мне стукнуло семнадцать.

— И я, — хихикнула подруга, но потом вздрогнула. — Ты? Тань, ты серьёзно? Да у тебя такая внешность, что хоть сейчас на подиум! Ты хоть замечаешь, как парни на тебя смотрят?

— Как на холодную и дерзкую суку? Это я знаю. Долго училась мастерству не сближаться с людьми. Ой, а кто бы говорил. Недотрога из трущобы, карамельные глаза оленёнка, ямочки, шикарный блонд до крепкой задницы! — я бросила

в подругу подушкой, а та довольно проворно отбила снаряд и завалилась на диван рядом.

— Тань, я, правда, думала, что ты...

— Развратная сука? Сама кайфую от этой маски. Никто не подходит, в друзья не набивается, перепихнуться не предлагает. Кайф! Но тебе не советую, к тому же Савин нарушил тот алгоритм, — я прищурилась и широко улыбнулась подруге. — Ты одна из немногих, с кем я могу вот так просто и спокойно болтать. У меня ещё есть Алина, мы с ней с самого детства на коньках, но в последнее время очень мало общаемся. Поэтому вот такая я... Нравлюсь? — я чуть приподняла голову, всматриваясь в эмоции на лице подруги, боясь заметить отвращение, осуждение или ещё что... Признаться, я сильно прикипела к этой девчонке.

— Нравишься, — рассмеялась она и тоже легла на диван, закинув ноги на мягкий подлокотник. Мы соприкасались головами, смотря, как по экрану мелькает список фильмов, но никто из нас не вчитывался в названия.

— Тогда я не буду тебе рассказывать про свой первый сексуальный опыт в попытке пережить полный крах спортивной карьеры, — я тоже рассмеялась и закинула руку, встречаясь с ладонью подруги. Мы сцепили пальцы и продолжили делать вид, что всё хорошо.

— Тань? Если это маска, то почему ты злишься, что с тобой девчонки в пару на английском встать не захотели? Разве это не входит в твой план?

— А потому что это не результат моего поведения или порочного стиля жизни, все это сотворил Савин своими руками, когда всему универу растрепал, что я неприкасаемая! Ты-то от своего благоверного отдельно учишься, а мой сталкер с пробоиной в черепе ходит по тем же аудиториям, сидит на тех же скамейках, и круг общения у нас тоже примерно один! Так что не защищай его... Я с детства была заучкой и отличницей! У меня золотая медаль, я поступила на бюджет в МГУ, но отца отозвали из столицы, и нам два года назад пришлось вернуться в родной город. Но вокруг меня всегда было много друзей, много поклонников... А этот придурок всего меня лишил! Я сегодня сидела одна, как прокаженная. И дело даже не в его шутках... Он словно стер мою личность, меня же теперь оценивают исключительно из-за того, что сам СА-ВИН обратил на меня внимание. А это неправильно...

— Та-а-а-аня, — протянула Мышка, наконец-то осознав, что именно меня так сильно злит. — Я не думала...

— Скажу больше – Савин тоже не думал! Он просто табличку мне на лоб нацепил, не имея на то никакого основания, а эти ослы из универа прут за ним, как за божеством. Бесит меня ваш Савин! Как же он меня сильно бесит! – взвыла я и сорвалась с дивана, а после достала из холодильника припасённую бутылку шампанского. — У меня раздвоение личности какое-то из-за него... Непреодолимая психологическая травма. Мне-то стыдно и за фото, и за побег из ресторана, но стоит прийти в универ, как через пять минут я

готова его придушить...

— Зато он милый, — улыбнулась Маша, осматривая гостиную, заваленную цветами. — Ромашки, пионы, ирисы... Интересно, он начнёт убивать цветочников, когда у них будет заканчиваться ассортимент?

— Точно. Пусть ищет Аленький цветочек, — я рассмеялась, а после протянула бокал подруге. — Давай, поддержи меня.

— А что, если... — вдруг прошептала Мышка, но бокал все же взяла, а потом осушила его до дна. — А что, если нам поехать в клуб?

Я застыла, смотря на эту милую блондинку, что сейчас произносила вслух крамольные вещи!

— Маш, что-то от хлопка шампанского у меня уши заложило. Ты что... Решила послушаться своего мавра? — я вылупила глаза и даже бутылку поставила, так и не наполнив свой бокал. — Или ты хочешь последить за Лютаевым? Или ещё проще: это бунт на корабле или ревность?

— Но ты же сама сказала, что мы всегда были послушными заучками, — Маша тяжело дышала, набираясь смелости, чтобы озвучить мучившую её мысль. — Быть может... Быть может, можно один разок сделать что-то глупое?

— Машка, поверь, — я снова упала на диван и расхохоталась. — Мы с тобой уже наворотили глупостей столько, за сколько на том свете не оправдаемся.

— А у меня пропуск есть в клуб, — неуверенно париро-

вала подруга. — И там не будет Савина. Илья сказал, что он куда-то уехал до завтрашнего дня. Ну... На случай, если только это тебя останавливает.

В квартире повисла тяжелая тишина... Я продолжала листать фильмы на медиаплатформе, а Маша монотонно отбивала дробь ногтями по деревянной столешнице журнального столика. Но через минуту мы обе поднялись, столкнулись взглядами и хором произнесли:

— Я в душ...

— Я собираться!

Глава 11

Благо я не успела сделать ни глотка шампанского, поэтому смело подхватила ключи от машины, решив, что иметь свои колёса куда безопаснее – мы в любой момент сможем ретироваться, не оставив следов.

Собрались мы быстро, сильно не наряжались, чтобы остаться незамеченными. Машка дополнила своё довольно закрытое, но при этом короткое черное платье моей кожаной косухой, белыми гетрами и ботинками на грубой подошве. А я выбрала беспроегрившую классику – черные кожаные штаны и облегающий топ.

Но даже будучи полностью одетыми, нам пришлось дожидаться, когда доварится суп, чтобы все выключить и выйти из дома.

— Они были настоящими бунтарками, — пропищала Машка, чуть ли не падая от смеха. — Доварили борщ и отправились в логово греха и порока...

— Заткнись, Новик! И никому не рассказывай... про суп. Пусть будет так: они были самыми охрененными бунтарками, — я тоже заливалась от смеха, даже слезы выступили, поэтому кнопку в лифте пришлось искать на ощупь. — Не порть вечер, в конце-то концов! Сейчас как найдем себе мавров покраше, пусть эта парочка локти кусает...

— То есть гипотетически ты допускаешь, что Савин дол-

жен кусать...

— Новик! — цыкнула я и отвернулась, чтобы Машка лишнего ничего не увидела, а то её природная проницательность порой заводит меня в тупик. — Этот склеротик сегодня под запретом. Я даже слышать о нём ничего не хочу!

— Ладно! Молчу! — Мышка прижала пальцы к губам, пытаясь скрыть хитрую улыбку, но ничего у неё не получилось. — Склеротик... И точно.

Мы прыгнули в машину и отправились в сторону выезда из города. Трасса была свободная, доехали мы быстро, ну, или нам так показалось, потому что обе дергались и нервничали, периодически переглядываясь, на случай, если кто решил передумать, пока не поздно. Но даже если так и было, то вслух никто из нас произнести этого не осмелился.

Но стоило нам увидеть извивающуюся ленту очереди из машин, застывшую на въезде в клуб, как от нашей решимости не осталось и следа...

— Какого чёрта? — шепнула Маша и открыла окно, словно стекло могло врать... Но нет! Изгиб второстепенной дороги, откуда уже виднелся купол клуба, весь был забит тачками. И они были не припаркованы, а медленно подкатывали к КПП. — Новогодняя распродажа? Таня, ты это видишь?

— Вижу-у-у-у, — присвистнула я, медленно ведя взглядом по самой настоящей пробке. Да в этой веренице элитных авто моя малолитражка казалась блошкой, случайно затесавшейся в гриву вороного королевского коня. — Пока мы

пройдем досмотр, мальчишник уже закончится. Если мы вообще в правильное место приехали, — протянула я и прищурилась, замечая, что слева от нас то и дело пролетали тачки, пристраиваясь в соседние ворота. — А это что? Въезд для своих? Может, нам туда? Что у тебя за пропуск?

Я указала на крошечную красную точку, в которую превратился пролетевший мимо оранжевый спорткар.

— Просто какая-то карточка, — Маша достала черную визитку с бархатистой матовой поверхностью. — Мы, и правда, до утра тут будем торчать, — она быстро посмотрела на часы, примерно прикидывая, сколько нам придётся тут простоять, потому что перед нами было не менее двух десятков желающих. — Может...

Но договорить подруга не успела... Резкий удар по стеклу заставил нас вскрикнуть, а в мощной, чуть нависшей над моей малолитражкой фигуре мы узнали Артёма Князева. Он уперся локтем в крышу машины и тряс головой, всерьёз рассчитывая, что мы — галлюцинация. И от этого движения моё желание попасть в этот клуб стало ещё сильнее... Чёрт подери, да что там такое происходит?

— Вы? Я думал, мне привиделось, — прошептал Артём, когда я опустила стекло. — На мальчишник?

— Артём, не нужно делать из... Мышки дуру. Какой же это мальчишник? — я прищурилась и указала на толпу девчонок, что не выдержали томительного ожидания и отправились пешком штурмовать КПП.

И тут я задохнулась, когда одна из девушек обернулась... Дятлова? Та самая модель и по совместительству бывшая пассия Савина, достойная его внимания, по мнению моих сокурсниц?

— Так что не нужно врать, Князев! И Лютаеву должно быть стыдно! — я откашлялась и снова повернулась к Артёму, демонстрируя, что мы отсюда уже точно никуда не уедем.

— Лютаеву не бывает стыдно, потому что ничего лишнего он себе никогда не позволит, — мгновенно отвертелся Артём, чтобы успокоить зарумянившуюся Мышку, он даже мило улыбнулся. — Ну а про Савина ты же меня не спросишь? Поэтому по его поводу я промолчу. Вы что, правда, хотите туда попасть СЕГОДНЯ?

— Ага! — учитывая его ударение на слове «сегодня», мы с Машей закивали головами, ощущая, что именно сегодня и должны быть там!

Он явно сомневался, но о природе его сомнений нам, очевидно, было знать необязательно. Артём поджимал губы и все время кому-то пытался дозвониться, но тщетно. Поэтому и зубы нам заговаривал, пытаясь понять, за что получит больше: за то, что не провёл и оставил стоять в очереди, или за то, что пропустил?

— Ладно, давай за мной, — Князев показал средний палец наглецу, что сигнализировало, возмущаясь тем, что Артём бесцеремонно бросил тачку на проезжей части, но стоило Князеву обернуться, как недовольный умолк... Странно.

Князев прыгнул в машину и... резко сдал назад, чтобы я смогла вырулить из пробки и двинуть по маршруту оранжевого спорткара напрямик к дублирующим воротам.

— Боже, Таня! Я себя чувствую преступницей!

— Спокойно, обратного пути все равно нет, — я улыбнулась и сжала руку подруги, когда мы подъехали к соседнему КПП.

— Гоша? — хором воскликнули мы, узнав в здоровяке того самого шутника, что в прошлый раз нас чуть до инсульта не довёл.

Видок у него был устрашающий... Чёрный милитари, на груди автомат, а на лице чуть задранная маска. И вот тут... я уступила страху, что странным образом превращался в азарт. Он не отпугивал, не гнал домой, где ждали суп и турецкий сериал, а подталкивал побыстрее проскользнуть в высоченные ворота, за которыми явно что-то пряталось.

— Гоша, открывай! — крикнул Князев в окно и махнул рукой, давая разрешение охраннику, и тот мгновенно отошёл с пути.

Как только ворота скрипнули, пропуская нас на тёмную извилистую и довольно узкую дорожку, нас обогнал Князев. Было ощущение, что мы лишь отдаляемся от основного здания, петляя среди пролеска, но внезапно мы выехали на просторную парковку возле административного строения. С основным зданием его соединял крытый коридор, построенный на широченных колоннах. Это было эффектно... Но не

менее эффектно смотрелась вооруженная охрана, чьи силуэты просвечивали через тонированное стекло.

— Машина Ильи! — взвизгнула Маша и указала на чёрную бэжу, стоящую под дальним навесом. — Значит, он точно здесь!

— Ну, раз на машинах, значит, тут не грязная попойка. Уже неплохо, — аккуратно выдавила я, медленно выбираясь из машины, а после осмотрела весь паркинг, но, не увидев Порше Савина, выдохнула. — Артём... А на всякий случай, выезжать через эти же ворота?

— Нет, выезд там, — Князев усмехнулся, но всё же указал на другую развилку. — Ты сразу попадаешь к трассе. А что? Уже готовишь пути отхода? Знаем-знаем, как ты нашего Максика на свидании бортанула. Респектую, восхищаюсь и готов лапки целовать... Этого засранца уже давно должен был кто-нибудь проучить.

— Артём! — цыкнула Маша.

— Молчу, — Князев хохотнул и распахнул перед нами невзрачную дверь в гараж, через который мы довольно быстро добрались до служебного помещения клуба. К нам навстречу вышел высокий молодой человек, подозрительно осмотревший нас с Машей с головы до ног.

— Девочки, это Семён, он тут главный после Савиной. Семён, это наши девочки, и предупреди всех, чтобы охрана глаз не спускала, а в баре не брали денег.

— Хорошо, Артём Игоревич, — кивнул Семён и отошел

с прохода, сменив резкость взгляда.

— Так, меня отец просил в офис заскочить, — Князев указал нам на извилистый коридор, уходящий резким пандусом куда-то вверх. — Найду вас позже. Для вас тут опасно. И ещё... Если что, это был не я!

Даже здесь, вдали от основного зала, уровень шума был таким, что звенело в ушах. Князеву приходилось орать, чтобы мы его слышали. Но после завуалированной просьбы не сдавать его Лютаеву, по стенам прокатился его хриплый смех, а по коже поползли мурашки...

Для нас тут безопасно? Что он имел в виду?

Мы с Мышкой сцепили руки и двинули за сопровождающим. С каждым шагом шквал шума становился все мощнее и мощнее, превращаясь в вибрацию, что ударялась о грудную клетку, заставляя сердце ускоряться. Готова поклясться, что мысль развернуться и снова уехать в мою тихую квартирку была общей, но сопротивляться густой энергии толпы, сладкому адреналину становилось все труднее и труднее.

Уши закладывало от тяжелого рока, ора зрителей и топота, что отдавался в ноги мелкой вибрацией. Но стоило свернуть за угол, как у меня перехватило дыхание... Через плотный занавес пробились яркие лучи софитов и паутина плавающих лазеров.

Семён помог нам раздвинуть тяжелую ткань, и мы с Машкой остолбенели, застыв на верхних ступенях крутой лестницы, сбегаящей вниз прямо мимо VIP-зон с мягкими ди-

ванчиками.

Я распахнула рот от полнейшего шока...

Холодное и бездушное пространство, которое я видела на фотосессии, вдруг ожило! Это был своего рода амфитеатр с разбитыми секциями. Мы стояли на вершине мягкой зоны, каждый сектор чуть нависал над основной площадкой небольшими балкончиками. Слева виднелась та самая барная стойка, похожая на осколок айсберга, дальше, за стеклянным ограждением, был... Ресторан?

Я обернулась направо и захлебнулась... Дальняя зона была поглощена тьмой и тёмным закаленным стеклом, пряча гостей от любопытствующих взглядов толпы, лишь клубы сизого дыма и полыхающие кончики сигарет говорили о том, что эта тьма жива и обитаема.

И в центре этого безумия красовался ярко освещённый его величество октагон!

По толстым прутьям паутинами плюща скользили лучи неоновых лазеров, они пронзали тьму, лишь изредка напарываясь на два суетливых силуэта, спрятанных в густых облаках искусственного дыма. Нет, это был не ринг... Это самая настоящая клетка, способная удержать и тигров, и дьявольскую тьму...

Я захлебнулась от полнейшего восторга! Это был самый настоящий театр под куполом!

— Таня! — шептала Маша и дергала меня за руку, но я как замороженная глазела по сторонам.

Мимо нас сновали официанты во всем черном, даже их лица были скрыты изящными масками. По обе стороны от прохода, за стеклянными подсвечивающимися изнутри столиками сидели шумные компании... Их крики, рвущийся наружу адреналин не сдерживали ни вечерние туалеты, ни явный статус. Они, как чокнутые, хлопали в унисон жутким ударам с октагона. Они словно кого-то гнали, задорили, упиваясь предвкушением...

В этой бесконечности шика мы с Машкой казались обрывками... От блеска бриллиантов и густого сигарного дыма резало глаза, картинка чуть размылась, но меня спас Семён.

— Это ложа Лютаевых, — мужчина проводил нас к дивану, но Маша почему-то тормозила, то и дело останавливаясь, поэтому мне пришлось чуть подтолкнуть подругу, лишь бы убраться с прохода. — Скоро к вам подойдет официант. Приятного вечера...

Семён широко и довольно дружелюбно улыбнулся, а после задернул полупрозрачный занавес, отсекающий нас от посторонних глаз.

— Маш, ты чего? — я снова запнулась о подругу и чуть не рухнула со ступеньки, напоровшись на неё. — Сядь уже, а? Да что с тобой?

— Таня... — снова зашептала Маша и потянула меня за локоть. Её глаза были огромными, в них поселились восторг и ... Ужас?

Я бы проследила за её взглядом, если бы не истошный вопль с октагона.

Тяжелый дым стал опускаться, а красные лучи лазера все отчетливее запинаясь о пленников этой клетки. В полупрозрачной темноте отчетливо просматривались две полуголые фигуры.

Свет софитов был приглушен, укрывая их обитателей от разъярённой толпы, что долбила ногами в пол, и покорно повторяющей истошный волчий вой.

— Ау-у-у-у! — звериный рёв новым залпом взорвался прямоком под куполом, а после шумовой гранатой рухнул на нас... И я побледнела, вцепившись в гладкие перила, чтобы не упасть в обморок...

— Не может быть!

Глава 12

— Ау-у-у-у!

Ощущение определенности горечью осело на языке. Разум приказывал: «Бежать!». Но сердце уже долбило в ритме толпы, глаза прилипли к клетке, внутри которой металась пара чокнутых «тигра». Мужчины громко хохотали, то и дело взбираясь по решетке, и их вой заглушал музыку...

Они упивались темнотой, играли с гудящей толпой, наслаждались свободой! Они были королями! Немного взбалмошными, чокнутыми и жаждущими крови...

Но вдруг всё стихло, когда софиты ожили, медленно прогоняя дымку неизвестности. Я слышала своё тяжелое дыхание, оборвавшееся сердце, усмирившийся пульс и протяжный стон, что пронесся по горлу сотнями лезвий.

В сизых сумерках все ярче и ярче виднелся огромный черный дракон, рассекающий спину одного из узников клетки... СА-ВИН!

— Ау-у-у-у! — снова взвыл он, прикладывая к лицу обе ладони... Он ревел во всю глотку, отправляя звук под купол, чтобы тот через мгновение рухнул на зрителей, пробирая их до мурашек своим отчаяньем. Но он был не один, за ним стоял Лютаев! И Илья повторил жест своего чокнутого друга!

Савин и Лютаев металась по октагону дикими пантерами. Опасными, изящными, хищными... Пластика их движений

завораживала, притягивая всё моё внимание. И я не смогла оторваться. От них разливалась угроза, она резкими импульсами добиралась до меня, путаясь на шее тугой удавкой, отчего каждый новый вдох давался всё труднее предыдущего.

Грохот музыки сливался с гулом зрителей. Толпа орала, колотила по столам, громыхла стульями, сливаясь в едином ритме набата. Этот звук... Он будоражил каждый нерв, сердце подстраивалось, а по языку разливался металлический привкус крови!

— Опасный! Он очень опасный... — шептала я, а все равно скользила глазами по влажной коже, под которой перекачивались налитые адреналином мускулы.

Максим был в одних шортах, дразнил великолепием тела, манил и совращал даже на довольно приличном расстоянии. А мне хотелось... Хотелось подойти ближе, чтобы напиться этим дурманящим ароматом массового помешательства. На октагон были направлены все софиты, превращая зал в мутную бесконечность серости пустынь.

Все исчезли, оставляя двух молодых «тигров» дожидаться своей добычи... Стоп... Они же не будут драться друг с другом? Во всяком случае, их веселье не выдавало противостояния, они скорее подбадривали друг друга, чем настраивались на поединок. И вдруг толпа стихла, когда в октагон вышла ещё пара бойцов.

По спине прокатилась капля пота, язык прилип к нёбу, я нервно обернулась к настолько же бледной Машке, что то-

же паялилась на своего мавра, тихо нашёптывая... Молитву? Серьёзно?

— Что это? — взывала я, рассматривая двух бугаев, что неповоротливыми медведями начали обступать Савина и Лютаева.

Да парни рядом с ними были щенками! Да, быстрыми, но такими молоденькими и неопытными, что ли? Или... Или это очередной обман, мираж посреди сухой пустыни?

Савин с Лютаевым вдруг повернулись друг к другу спинами, продолжая кружить, не сводя глаз со своих противников. И я отсюда видела это бесстрашие, этот полыхающий огонь! Неожиданно они переглянулись, не произнося ни слова, о чем-то договорились и одновременно встали в стойку, напрягая каждый мускул на молодых телах...

Они были одинаковыми! Стойка, поза, ярость в глазах... Даже их движения казались зеркальным отражением. Их будто тренировал один и тот же человек!

Максим чуть подпрыгивал на носочках, пытаясь ещё до гонга убить своего противника взглядом голодного кровожадного волка. Я видела его оскал, видела и как стремительно каменеет его лицо, превращаясь в жесткий слепок живой полыхающей ярости. Он смотрел на здоровяка как на... добычу? На жертву?

Савин пугающе лениво покрутил головой, разминая шею, и чуть повернулся, демонстрируя пасть своего дракона, который под софитами превратился в живое кровожадное су-

щество, ползущее по торсу своего хозяина, чтобы лично увидеть смерть врага, осмелившегося бросить вызов!

Но это было дико сексуально... Голый торс, босые ноги, рисунок мускулатуры, какая-то пугающая свобода и полное бесстрашие, сквозящее в каждом его движении.

И тут раздался оглушительный гонг... Савин с Лютаевым быстро переглянулись, а через мгновение они рванули на противников. Они двигались друг к другу спинами, зная, что так никто не нападёт неожиданно. Они даже в ринге готовы были прикрывать друг друга, как делали это на льду.

И тут все вопросы снялись... Если доверяешь в драке, то на льду тем более? Наверное, так?

Маша передала мне стакан воды, но я не с первого раза смогла его ухватить. Пальцы дрожали, едкий страх пробирался по венам, закипая в крови. Я инстинктивно повторяла движения, будто и сама была на том самом ринге!

А когда... Когда противник умудрился врезать Савину по лицу, тот взрыл раненым тигром, и по залу прокатился его дикий смех! Смех? Серьёзно?

— Придурок! — мой оглушительный крик непроизвольно вырвался из пересохшего горла...

Я сжала пальцы в кулак и начала лупить по груди, где замерло моё сердце.

Бейся, блин... Ну же! Бейся!

Тут заржал и Лютаев, успев отбить Савину «пятюню». Они что, веселятся?

Это что, мать вашу, за хрень?

Но через мгновение Максим уже верхом сидел на своем противнике и, четко тарабаня по его корпусу, заставлял того сдаться! Удар... Удар... Удар! А Лютаев накрыл своего оппонента всем корпусом, выгибая его ногу так, что мой коленный сустав жалобно заныл.

И снова гонг... Оглушительный, мощный, пронизывающий...

Сколько прошло? Минута? Две? Полчаса? Я потеряла счет, не понимая, что только что увидела? Я с ужасом смотрела на двух бугаев, которых уделали эти дерзкие шакалята, но отчего-то жалости к ним не испытывала.

— Ау-у-у-у-у! — снова взвыли Лютаев и Савин, а толпа просто свихнулась, погружая зал в дикий океан крика и хаоса.

— Ты знала? — прошептала я, не решаясь повернуться к подруге, только бы не упустить из вида Савина.

— Я знала, что они каждые выходные ходят с отцами драться, но чтобы вот так? — Маша распахнула глаза и обвела бушующую толпу. — Тогда нет... Не знала.

Ринг опустел, и мы не заметили, куда исчезли парни. И я даже расслабилась и смогла отпить прохладной воды. Наша ложа нависала над основным залом, оттого и октагон был почти перед глазами.

Под нашим балконом вдруг раздался мощный взрыв знакомого смеха... Мы с Машкой перегнулись через огражде-

ние, заметив уровнем ниже ещё одну ложу, где сидел весь состав «Дьяволов»! Это была даже не ложа, а своего рода огражденный сектор с несколькими столиками, диванами и с отдельным выходом в зал.

И вдруг из толпы выскользнули две фигуры, устремляясь через глухую тьму напрямик к нам. Савин и Лютаев двигались как тени... Их босые ноги ступали по черному полу так мягко и аккуратно, что даже этим можно было просто залюбоваться. Они что-то бурно обсуждали, не поднимая глаз... Наверное, именно это и спасло нас с Машкой. Я могла протянуть руку, тронуть влажную от пота кожу, пройти по черному рисунку, рискнув обласкать пасть дракона...

Пол балкона завибрировал от залпа смеха... Савин сходу схватил бутылку воды и припал губами, разливая прозрачные холодные ручейки по разгорячённой коже. Позёр хренов!

Я потянула носом, представляя его ужасный, умопомрачительный, одурительный аромат разгоряченного тела. Видела, как сверкают его тёмно-синие глаза, как перекачиваются под влажной от пота кожей мышцы.

И как быстро скользит по его спине женская ладонь...

Сердце сжалось до размера горошины и отказалось спасать меня. Открыла рот, глотая раскаленную порцию воздуха, но она застряла тяжелым булыжником, разрывающим слизистую.

Дятлова... Опять Дятлова!

Фифа в крошечном мини вышла из толпы походкой королевы и прильнула к Савину со спины. Видела её длинные красные когти, бегущие по его рёбрам прямоком к пасти дракона...

— Фас! — приказала я татуировке, и тут Савин дёрнулся...

Он машинально махнул рукой, словно отгонял от себя назойливую муху, даже не удосужившись посмотреть, кто именно стоял у него за спиной! Максим продолжал что-то кричать управляющему, указывая под самый купол, на полыхающие софиты.

Дятлова вздрогнула и отлетела от Максима, как от шаровой молнии. Но я видела её взгляд... Она скривилась, поджала губы и выронила странную улыбку, но не ему, а своей свите.

— Вот так-то лучше...

После того милого диалога в коридоре я не могла не узнать, кто такая Дятлова, и почему она так подходит Савину. Я всё про неё узнала, благо интернет помнит каждый шорох, каждое неудачное фото, каждый заголовок в прессе... И вот теперь она здесь и смотрит на него, как на кусок шоколадного торта, капая слюной на пол.

Я потеряла ощущение реальности... Весь мир стёрся, и лишь наглая морда Савина стала центром притяжения. Красивое лицо с тонкими, но озлобленными чертами. Пухлые губы, красная отметина на скуле от пропущенного удара, гу-

стая щетина, спускающаяся по шее к крупному подрагивающему кадыку.

А он никого не видел... Стоял, легко подпрыгивая на месте, отталкивался босыми ногами от глянцевого пола и вскидывал голову, реагируя на шутки друзей. И ничего... Ничего не выдавало в нём бойца, несколько минут назад уложившего на мат своего противника.

Толпа так гудела, что я не могла расслышать, о чем говорят парни. Но вот хитрый смех долговязых сук, сбившихся в стаю жадных гиен, я уловила. Дятлова была не одна. Вся её свита рассматривала компанию друзей, как витрину в ювелирке...

Я была в шаге от провала... В миллиметре от глупости! Но на помощь мне пришёл короткий, но оглушающий гонг. Ведущий, одетый в строгий смокинг, вдруг выскочил на ринг и начал что-то говорить, то ускоряя поток слов, то делая мучительные паузы... Но я и его не слышала, потому что заметила оживление в компании.

Лютаев хлопнул Савина по спине, даже не обернувшись... Это был такой обыденный и понятный только им жест, от которого у меня мурашки поползли от макушки до поясницы! Макс сделал ещё глоток и снова рванул через толпу, а потом взмыл по клетке октагона, спрыгивая прямо в центр ринга! А через мгновение к нему вышел новый противник...

— Какого черта? — шептала я.

У меня подкосились ноги. Я задрожала, смотря на габ-

риты этого огромного «шкафа». Высоченный, широченный, руки, как кувалды, но Савин продолжал расслабленно стоять, хрустя шейными позвонками. Он, как тогда в ресторане, размял ноющую дельтовидную мышцу, прокатив её вверх, а потом вниз. А ещё я заметила, как он свёл пальцы правой руки, будто представил в них фантомную сигарету.

И вид у него был такой... сучающий?

Я метнула взгляд на Лютаева, мысленно требуя пойти туда и прикрыть своего друга! Но Илья продолжал общаться с командой, стоя спиной к рингу!

Лютаев, гад такой! Ну иди же!

Однако вместо этого Илья мазнул по толпе и октагону ленивым взглядом, но... Тут Лютаев вздрогнул, когда его глаза застыли на нашей ложе, и он увидел свою Мышку... Голубые глаза полыхнули ослепительным, но не самым добрым пламенем.

— Кажется, ты попала, подруга, — шепнула я.

— Чёрт, — заскулила Маша и помахала Илье, словно они встретились не в бойцовском клубе, а в очереди библиотеки.

Лютаев вспыхнул, по лицу поползли красные пятна, он быстро осмотрел сектор и резко, даже угрожающе вскинул руку, после чего створки нашего привата распахнулись, выпуская встревоженного Семёна. Чёрт...

— Дамы, вас зовут вниз...

Очевидно, это было одно из тех предложений, от которого невозможно отказаться. Мои влажные ладони заскользили

по заднице, обтянутой кожаными штанами, мне было жарко, душно, тонкий черный топ стягивал грудь, не позволяя легким расслабиться, а сердце лупило по клетке, как разъяренный противник Савина...

Я не могла оторвать взгляд от ринга. И шла за Машей исключительно из солидарности, чтобы разделить с подругой уготованное ей наказание. Этот здоровяк в прямом смысле слова лупил ладонями по прутьям октагона, заводя и толпу, и себя, и своего противника, что посмел бросить ему вызов... Удары сильные, ритмичные, и вскоре зрители подстроились, отбивая этот такт ногами.

Но Савин был не просто спокоен, он вдруг стал каменным... Зверем смотрел в затылок здоровяка и быстро подпрыгивал, не давая замедлиться бегу своей крови. По рингу носились организаторы, и Савин щурился, мечтая лишь о том, чтобы они уже исчезли.

Я шла по ступеням на автомате...

— Это она! Это она! — женский шепот ударил в висок, и я обернулась, увидев тех зараз из универа, что стояли возле Дятловой покорной сворой.

По мне пробежался холодный взгляд, полный презрения! Дятлова смотрела на меня, как на грязь... Как на нищенку, что заявила на бал её принца! Та самая стервозная брюнетка из универа вдруг занесла ногу, явно желая подойти ко мне... Но я перехватила инициативу:

— Я предупреждала тебя не говорить со мной? Не смотри

на меня больше! Отвернись! — казалось, ещё один подобный взгляд, и я зарычу, заглушая сумасшествие толпы.

Толика ярости, жестокости, которыми полыхал Максим, пронзила и меня... Её отравленные щупальца растекались по венам, заставляя смотреть этим сукам в глаза, превращаясь в их персональный кошмар. И я рванула корпусом вперед, отчего девушкам пришлось отойти на приличное расстояние от закутка, где сидела команда. Дятлова побледнела и тоже отошла от меня.

— Ну, так тоже было можно, — хохотнул Лютаев, внимательное следивший за происходящим.

Не слышала голоса Маши, я лишь повернулась к Лютаеву и быстро кивнула на октагон... Но Илья понял меня без слов и снова вскинул руку, отдав кому-то указание, больше похожее на приказ.

И тут охрана стала расступаться, образуя короткий коридор до самого ринга. Чёрт... Вот этого я не предусмотрела. Октагон стоял на высоченном подиуме, и отсюда мне были видны лишь толстые прутья и ослепительное марево софитов.

— Какого черта вы тут делаете? — крикнул Лютаев и слегка приобнял, когда толпа стала заваливаться прямо на меня.

— Он же его больше! — вскрикнула я и сжала мокрую от пота руку Ильи. — Лютаев, ты видишь? Он же его больше в два раза!

— Это не тот случай, когда размер имеет значение, —

грохнул Лютаев, и его полупрозрачные глаза стали затягиваться дымкой... Он прищурился, а потом нагло подхватил меня за талию и подбросил вверх...

Вспышка дурной силы была такой мощной, что я взмыла под купол! Я только и успела вытянуть руки, за которые меня уже подхватили, затягивая на какую-то высоченную трибуну прямо около октагона.

— Вы вовремя, — полоснул меня Князев острым взглядом и отпустил руки, отходя на два шага. — Это разогрев... Кто из нас выиграет, тот и будет драться с победителем основного боя.

Артём вцепился зубами в черный тейп, которым обматывал правую кисть, а после оторвал его и принялся за вторую. Чокнутые... Боже, они чокнутые?

— С каким победителем? — шепнула я.

— С профессиональным бойцом, — Артём указал на противоположную площадку, где творилась какая-то пугающая суета вокруг огромного качка в красных шортах. — Ты же понимаешь, что парочка хоккеистов не может собрать эту толпу? Мы просто веселимся... Сбрасываем стресс.

Князев хохотнул и махнул Лютаеву, дав понять, что присмотрит за мной.

Не может? Я обернулась, наблюдая, как все взгляды прикованы к беснующемуся в непробиваемом спокойствии Савину. Он стоял неподвижно, а отсюда казалось, что он полыхает, содрогаясь от пульсирующей жажды крови. И толпа

обдаривала его, они любили его... И что-то мне подсказывало, что такие представления происходят регулярно.

— Ты сам бинтуешься, чтобы выйти против профессионала? — чуть не вскрикнула я, но шальной блеск в глазах Князева дал ответы на все мои незаданные вопросы.

Боже... Чокнутые!

Я сжала клетку, ощутив её вибрацию... Максим был на расстоянии вытянутой руки! Так близко... Но при этом он не видел меня! Вся его злость и ярость были направлены лишь на его противника, и тогда снова прозвучал гонг.

И тут Савин взмыл в воздух, а после выбросил кулак, четко попадая в челюсть здоровяка. Его лицо... Оно вдруг расслабилось, выпуская восторг!

Он просто кайфовал от этой жестокости. Ему всё это нравилось! Тёмно-синие глаза были подёрнуты азартом, одержимостью, жадой победы. Савин не признает жалости, он упивается властью... Как было глупо играть с соперником, о котором ни черта не знаешь.

— Ау-у-у-у! — взревел Максим, кружа вокруг осевшего бугая с пластикой тигра. Здоровяк прижимал ладони к ушам, словно оглох и потерял ориентацию. — Вставай! Ну же! Мы только начали!

Я уже не горела... Я уже полыхала, как и вся моя сгустившаяся кровь. Сердце то билось, то замирало, падая в пятки от ужаса!

Как я, прилежная домашняя птишка, могла оказаться

здесь? Как среди толпы нормальных парней я зациклилась на этом придурке? Как в нем сочетается стратег на льду, мудрый черный дракон в ресторане и отвязный шальной зверь в клетке? Но ведь... Но ведь я сама взобралась на этот подиум, я сама смотрю на этого зверя в клетке и заглушаю странный звон, что резонировал в груди все отчетливее и отчетливее!

И вдруг в теле все сжалось... Савин отлетел к противоположной стене октагона, быстро стёр с рассечённой брови кровь, оскалился и снова рванул вперед. Каждое его движение было произведением искусства, заработанным болезненным опытом. Он полностью контролировал своё тело, наперед просчитывал каждый манёвр...

Ударив под колени, он уложил своего противника, но тот увлёл его за собой. Савин с глухим ударом рухнул спиной на пружинящий пол октагона. Я ждала гримасы боли, но не было её там... Он улыбался! Этот засранец улыбался, а после сомкнул вокруг шеи здоровяка смертельный захват и, изогнувшись, начал его душить...

Они были разной комплекции, разной весовой категории, но на ринге все решалось мастерством... И тут Савин был в своей стихии!

Неповоротливый здоровяк махнул мощной ногой, попадая Савину прямо в живот!

— Нет! — закричала я, и тут Макс замер, всего на миг он обернулся в мою сторону, за что и поплатился... Огромный кулак летел ему в лицо с такой скоростью, что я закрыла

глаза.

Но ни звука падения, ни хрипа боли я не слышала, а когда распахнула веки, Савин прижимал ногой противника к полу ринга, недоуменно пялясь лишь на меня.

— Ну, всё, заканчивай, Савин! — рывкнул Князев, завершивший обмотку и теперь прыгающий на платформе в уже знакомой мне манере. — Тебя тут вообще не должно было быть... Откуда ты взялся, придурок? Заканчивай, я тоже хочу успеть до боя!

— Малы-ы-ы-шка, — протянул Макс, игнорируя тираду Князева, но здоровяк воспользовался моментом и уложил его на лопатки, прижав к полу огромной ногой. Только Савин — дракон...

Он вывернулся, сверкая яростным взглядом. Глаза его снова стали темными, полными бури, тьмы, опасности!

Макс отрабатывал по корпусу здоровяка с такой силой, что я готова поклясться — слышала, как трещат рёбра бедолаги... И все закончилось, когда тот застучал рукой по рингу. И тут Савин покорно отпрыгнул, принимая поражение соперника...

— Есть! — шикнул Князев и с уже знакомой мне грацией перескочил через клетку прямо в октагон, ударив по пути Савина в грудь, словно принимал эстафетную палочку.

А Савин... Он двигался на меня раненым, но очень опасным зверем. Медленно, по сантиметру... И я готова поклясться, что смотрел на меня и его дракон! И взгляд его

был осуждающим за то, что из-за меня его хозяин получил царапину!

— Что? Пришла посмотреть на мою тёмную сторону? — Максим обхватил толстую решетку клетки пальцами, опутанными черной лентой, и улыбнулся. — Зачем? Ты и светлую едва выводишь...

Нет... Это в ресторане он мне улыбался и пытался казаться хорошим мальчиком. Но здесь... Это был оскал! И он, наверное, впервые сказал правду про тёмную сторону.

— Тебе больно? — только и смогла выдавить я, протягивая к его лицу пальцы, чтобы стереть медленно стекающую струйку крови.

— Нет, — глаза его вновь стали прозрачными, пропал и хищный прищур, он смотрел на меня прямо, наверное, впервые открыто, демонстрируя то, кем он является на самом деле!

Но всё это никак не уместилось у меня в голове... Огромные голубые глаза прикрывают адское пламя, в котором сгорела не одна наивная глупышка. Там прячутся мощь, сила, угроза...

— Спускайся, здесь опасно стоять, — Савин махнул кулаком Лютаеву, и тот понял все без слов. Этой компании будто вообще можно было не разговаривать, они понимали друг друга по быстрому взгляду. В один миг подскочил к площадке и подхватил меня за ноги, насильно спуская вниз.

Но отсюда... Отсюда почти ничего не было видно!

— Вы кто, мать твою, такие? — зашипела я, обводя взглядом беснующуюся толпу.

Народ все прибывал и прибывал, уже не осталось свободных трибун, даже столики в зоне ресторана были заняты полностью! Казалось, весь город сейчас тут и наблюдает за этой жестокостью...

К горлу подкатил ком... Я закрыла глаза, пытаюсь понять, что именно меня сейчас пугает. Но оказалось, что это выше моих сил...

Я кивнула Маше, и та всё поняла, а ноги уже несли меня к выходу, безошибочно найдя и проход в занавесе, и коридор к гаражу, а когда добежала до своей машины, меня неожиданно отбросило назад!

И мощь этого мягкого, но сокрушительного удара была такой, что перехватило дыхание, а из глаз рассыпались искры.

Горячая влажная рука проскользила по моему животу, пробираясь под ткань топа, оставляя на коже белёсые полосы дикого желания. И в носу уже застрял новый запах... Свежесть ветра, тархун и едкий запах адреналина, от которого кружилась голова.

— Расскажешь? — Савин крутанул меня и в один шаг прижал к моему же капоту...

Я отползла, но Максим развел мои ноги, чтобы было удобно стоять между ними, с силой прижимая ладонь в самом низу живота, фиксируя на месте.

Он стоял в клубах густого марева... Он был настолько горячий, что от него в прямом смысле этого слова шёл пар! Но Макс не обращал внимания ни на ветер, ни на температуру... Он смотрел на меня, сокращая дистанцию снова и снова.

— Что было три года назад? — Максим навис надо мной. Когда уже не оставалось пути отхода... Он буквально прижал меня к капоту, заботливо подставив перебинтованную руку под голову.

— Ты можешь Лютаеву врать!

— А я вообще никому не вру. Правду говорить дорого, зато приятно...

— И какая же твоя правда, СА-ВИН?

— А правда в том, что ты хоть и ненавидишь меня, но тянешься... Хочешь меня до мокрых трусиков, до едкой мигрени и томной пульсации, — Максим снова прижал ладонь к моему животу, и мышцы тут же послушно сжались, отдаваясь спазмами по всему телу! — Почему побежала? Не справилась со своими эмоциями? Привыкла к обществу ботанов и мамкиных сынков? Страшно стало? Или просто ты настолько возбуждена, что хватит и малейшей искры, чтобы пыхнуть! Но ты и этого боишься, потому что клетка не вокруг меня, а вокруг тебя. Дочь своего отца? — Савин замолчал и закатил глаза. — Нет... Дочь своей матери? Давление ожидания, скрипящая на зубах идеальность, безупречное воспитание, начитанность, ум, нафталиновая интеллигентность? У-у-у-у-у, — протянул он и вдруг лизнул мой

подбородок до самой кромки губ. — Кажется, я всё угадал? Хорошей девочке не подобает общаться с плохими мальчиками. Но так хочется... Всё верно?

Он лупил меня словами, не имея желания обидеть, но чем точнее он попадал в правду, тем отчаяннее я сопротивлялась.

Савин будто управлял моим телом, мыслями, видел желания... А я только и могла смотреть в его глаза, не в силах сбежать.

— Я люблю, когда девушки меня ненавидят, так даже лучше и безопаснее. Но не ты, Малышка... Твоя ненависть меня обезоруживает, и хочется догнать тебя и доказать, что я не самый плохой человек на этом свете. А я вообще никому и ничего доказывать не люблю... А вот тебе хочется!

Я трясла головой, пытаюсь узнать в этом опасном мужчине Савина... Того, кто гонялся за мной по дому семьи Лютаевых, того, с кем мы дрались в машине у редакции, кого я отхлестала букетом цветов, когда на меня напал отец Машки.

Но не было его... Это был не он!

— Савин, ну почему просто не признаться, что это было глупостью? Мне было шестнадцать, тебе девятнадцать... Я же все понимаю! Я молчала и не хотела даже поднимать эту тему, но ты же вцепился в меня! Правда тебе нужна? А для чего? Что ты с ней потом сделаешь? Забудешь? — я хрипло рассмеялась, выталкивая в воздух облако пара.

— Говори, — шепнул он, легонько поглаживая мою шею.

Его пальцы колдовской паутиной разбрасывали ожоги по коже... Линия челюсти, щека, губы... Он двигался, сопровождая движения хищным взглядом.

Его энергия превращалась в густой туман. Порывистый вдох... и тело, и мысли подчиняются этому мужчине, что горячее уголька в камине. И он знает свою силу!

— Говори, Малышка, — Максим завёл мои руки над головой, перехватил за запястья, лишая малейшего шанса на свободу.

— Это прошлое, — я прикусила губу, и Максим захрипел. Если уж и проигрывать, то сделаю это красиво. — Ты забываешь, отпускаешь... А потом появляется тот, кто упорно тянет тебя в прошлое. Савин, от тебя требовалось просто не приближаться...

— А я не могу! — прошептал он, сминая мои губы в рваных резких касаниях. — Ты как наваждение засела у меня под черепушкой! И я от тебя не отстану, пока не вспомню!

— А потом? — я затаила дыхание и выгнулась, пытаюсь отнять губы, чтобы он начал думать головой, а не тем, что порочно упиралось мне в живот. — Потом ты отстанешь?

— Нет... — он выдохнул и прижался лбом ко лбу, усиливая давление и согревая нас своим дыханием.

— В детстве всё ощущается ярче... Да? И хоккеисты кажутся богами, и звёзды ослепительнее, ближе, да и поцелуи на крыше общежития спортивного комплекса самыми чувственными...

Савин вздрогнул... Его веки сжались до белизны, я даже ощутила эту боль... А потом он распахнул глаза, полные глубокого сожаления и осознания.

Вот и вспомнил...

Он посмотрел на мои губы, а после рванул вперёд, и его язык вторгся в мой рот с таким напором, что искры из глаз посыпались.

Это не поцелуй... Это конец света, шторм, буря, землетрясение!

Савин подхватил меня, и снова это пьяное ощущение парения... Тело стало легким, как пёрышко, а по жилам растекалось пламя. Его сильные губы, грубый язык, так мучительно ласково скользящий по нёбу, дурман танца... То легкие толчки, то путанный узор рун, затягивающий мои нервы в смертельный узел.

— Так? — зашептал он, чуть отрываясь, чтобы посмотреть в глаза. — Так целовал, малышка?

И Савин снова лизнул меня в щеку, ведя языком обжигающую дорожку до правого уха. Он подцепил сережку, втягивая её в рот вместе с мочкой...

Это невыносимо! Невыносимо ощущать наслаждение наравне с болью. Оно стремится наружу, рвет мышцы, ломает кости, принуждая поднять руки и обнять его! Моя одежда превратилась в колючки, она царапала и без того воспаленную плоть... В гортани застыл ком, обрастающий звуками, криками, словами! Но я молчала... Я просто стойко выноси-

ла эту пытку Савиным, собирая то, о чем могла только мечтать в своих самых откровенных фантазиях.

В какой-то момент ему стало мало власти над моими губами! И его зубы сомкнулись на моей шее, ровно в том месте, где я сдерживала все эмоции. И по пустому двору прокатился тягучий протяжный стон...

Савин сорвал стоп-кран, перерезал проводок детонатора, выломал к чертям все шлюзы... И мои дрожащие пальцы в один миг опустились на его спину, по памяти рисуя очертания дракона.

Савин зарычал и толкнулся вперед, вновь опускаясь в очередном раунде пытки... Зубы сомкнулись на нижней губе, до боли! До крови!

И тут мозг ожил, набрасывая обрывки воспоминаний...

Холодный свет луны скользил по его профилю, отражаясь в белесых прядях его волос. И тот долгий поцелуй на крыше общежития! Я до сих пор помнила его руки! Но тот парень с крыши был другим... А сейчас я оказалась в плену сильного властного мужчины, что уже разложил вокруг меня капканы.

— Вспомнил, — прохрипел Савин мне прямо в рот... Он не позволял сомкнуть губы, не разрешал оттолкнуть его. Он испивал меня до последней капли, забирая это мгновение до конца... Чтобы перекрыть то воспоминание новым

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.